

ЭДГАР АЛЛАН ПО

КАРЕН ЛИ СТРИТ

И ЛОНДОНСКИЙ МОЖСТР

Мастера магического реализма (АСТ)

Карен Ли Стрит

**Эдгар Аллан По и
Лондонский Монстр**

«АСТ»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(4Вел)-44

Стрит К.

Эдгар Аллан По и Лондонский Монстр / К. Стрит — «АСТ»,
2016 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-100162-9

У каждой семьи есть свои тайны. Именно с такой тайной столкнулся летом 1840 года известный литератор из Филадельфии мистер Эдгар Аллан По, получивший в наследство от приемного отца шкатулку красного дерева со стопкой старых писем. Какая связь между бедными актерами, супругами Генри и Элизабет Арнольд, и таинственным Лондонским Монстром – неуловимым маньяком, полвека назад терроризировавшим добропорядочных английских дам? Подлинны ли письма или это искусная подделка, и если второе, то с какой целью она предпринята? Как связаны странные нападения на По в детстве с неизвестным, который преследует его сейчас и, похоже, осведомлен о прошлом семьи писателя куда лучше его самого? Возможно, получить ответы на все эти вопросы мистеру По поможет его друг – великий сыщик шевалье Огюст Дюпен, которого также привело в Лондон семейное дело...

УДК 821.111(73)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-100162-9

© Стрит К., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

От автора	6
Пролог	7
На борту «Ариэля», следующего из Филадельфии в Лондон, июнь 1840 г	10
Ливерпуль, затем Лондон, 1 июля 1840 г., среда	18
Лондон, 2 июля 1840 г., четверг	28
Лондон, 2 июля 1840 г., четверг	39
Лондон, 3 июля 1840 г., пятница	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Карен Ли Стрит

Эдгар Аллан По и Лондонский Монстр

*Памяти моей матери Элен Страттон и моего отца Сэмюэля Шоу
Стрита*

*Границы между жизнью и смертью нечто неопределенное и
смутное.*

Кто скажет, где кончается одна и начинается другая?

Эдгар Аллан По. «Преждевременное погребение»¹

Леди! Вам расскажу я о Монстре – о том,

Кто для гнусной потехи вас колет ножом.

Попадется ему, дорогая соседка,

И на вашем бедре вмиг он вырежет метку.

**«Представляем Монстра». Собрание стихов, опубликованное в июле
1790 г.**

Вот леди в ужасе бегут, несутся, точно ветер.

Увы! Вотще их прятать, вотще! Призыв на помощь тщетен!

Злодей столь ловок, столь его изменчивы личины...

«Вотще ловить его, вотще!» – должны признать мужчины.

Да, не сыскать нам на него нигде управы,

Сей Монстр кровавый, леди, он – сам Дьявол!

«Монстр рядом». Сатирическая гравюра. 29 мая 1790 г.

Karen Lee Street

EDGAR ALLAN POE AND THE LONDON MONSTER

Печатается с разрешения литературных агентств А.М. Heath и Andrew
Nurnberg.

Copyright © Karen Lee Street 2016

© Старков Д.А., перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

От автора

Сюжет этой книги частично основан на реальных событиях. «Лондонский Монстр» действительно терроризировал лондонских дам в 1788–1790 годах, распоров одежду и проколов или порезав ягодицы и бедра более пятидесяти жертв. Многие из них быстро предали огласке унижение, которому подверглись, и злодей приобрел репутацию охотника за привлекательными, хорошо одетыми дамами. В 1790 году нападения Монстра участились, и лондонцев охватила массовая истерия. Мужчины собирались в отряды и патрулировали улицы по вечерам, надевая значки с надписью «Я не Монстр». О Монстре писали стихи и пьесы. Газеты публиковали дерзкие карикатуры, изображающие женщин, пытающихся защитить свои филейные части от ужасного получеловека с помощью медных кастрюль. Описания Монстра расходились между собой настолько, что некоторые журналисты того времени предполагали, будто виновников происходящего несколько или в нападениях замешан актер с талантом к изменению внешности.

Награда в сотню фунтов, назначенная Джоном Джулиусом Ангерштейном за поимку Монстра и доказательство его вины, привела к тому, что в качестве Монстра был арестован некий молодой валлиец. В первый раз обвиняемый предстал перед судом 8 июля 1790 года за «нападения, совершенные в публичном месте с целью разорвать, разрезать, сжечь или иным образом испортить одежду», что являлось тяжким преступлением, караемым смертной казнью или каторгой. Он был признан виновным, но добился повторного судебного разбирательства, состоявшегося 13 декабря 1790 года. Он вновь был признан виновным, но в малозначительном преступлении – «жестоких неспровоцированных нападениях», и приговорен к шести годам заключения в Ньюгейтской тюрьме. Скорее всего, это была судебная ошибка, так как против подсудимого не было никаких прямых улик.

Впервые я наткнулась на дело Монстра в книге Джона Эштона «Былые времена: социальная жизнь в конце XVIII века»², работая над идеей, которая позже легла в основу продолжения этого романа. Не помню, что побудило меня соединить Эдгара Аллана По с Монстром – возможно, странность этих преступлений и тот факт, что бабушка и дедушка писателя по материнской линии были актерами лондонских театров в конце XVIII века. О них сохранилось мало информации, и версия, будто они и были таинственным Монстром, как минимум правдоподобна. Я остановилась на мести как мотиве этих необычных преступлений. Отсюда выросли их бурные взаимоотношения, а каждое выдуманное мной письмо из их переписки соотносится с реальным преступлением, совершенным Лондонским Монстром.

В детективном романе с Эдгаром По в качестве главного героя трудно было бы обойтись без Огюста Дюпена – детектива, придуманного писателем. Я решила сделать Дюпена старым другом По, допустив, что По – тот самый анонимный повествователь в новеллах о Дюпене и что эти истории основаны на реальных преступлениях. Кроме того, я использовала более тридцати рассказов, поэм и эссе писателя, создав еще одну загадку, решить которую предстоит читателю.

² John Ashton's *Old Times: A Picture of Social Life at the End of the Eighteenth Century* (1885). – *Здесь и далее примеч. пер.*

Пролог

Филадельфия, декабрь 1840 г

Дрожащее пламя свечи с трепетом и миганием воскресило его. Он светился фиалковым цветом и мог бы показаться красивым, не будь его взгляд таким неотступным.

«Я сберегу тебя и тех, кого ты любишь. Я твой амулет, твой оберег против прошлого и талисман на будущее»... Эти его обещания гипнотизировали так же, как и взгляд.

Я поддел одну доску, потом вторую и лихорадочно трудился над третьей, устраивая тайник под полом. Отсюда она, шкатулка красного дерева со старыми письмами и светящимся аметистовым шариком внутри, не сможет преследовать меня.

«Я сберегу тебя. Слушай внимательно и делай, как я говорю»...

Непрекращающийся шепот раздражал, неестественно обострял чувства, но настоящее сумасшествие не овладело мной. Я был совершенно в здравом уме. И, тем не менее, мои пальцы медленно тянулись к ларцу, точно паучьи лапы, несмотря на охвативший меня ужас. Один лишь раз! Последний! Потом я опущу крышку, запру замок и схороню свое наследие.

«Я сберегу тебя и тех, кого ты любишь»...

И вот он у меня на ладони – мой амулет, мой талисман – злобный всевидящий фиалково-синий глаз, ее глаз, которому я не могу противиться. Если бы он мог рассказать обо всем – обо всех жестокостях, что наблюдал, как спокойно он мог бы поведать эту историю!

*Бери-стрит, 27, Лондон
4 часа, 5 марта 1788 г., среда*

Дорогой мой муж!

Слышали ли вы о необычайном событии близ театра «Роялти» с участием вашей драгоценнейшей подруги мисс Коул? Сплетники и остряки всецело заняты им, и я чувствую, что вынуждена взяться за перо, пока эта восхитительная проделка еще свежа в моей памяти.

Было около полудня. Только что закончились утренние репетиции, и мисс Коул шла по Нок-Фергюс, заполненной нищими, пропитанными джином илюхами, а также прачками, занятыми более честной работой. Мисс Коул, рожденная для Роуп-уок и ее окрестностей, выглядела здесь совершенно неуместно, поскольку была одета в бело-зеленый полосатый тафтяной жакет и платье из оливково-зеленого шелка, украшенное оборками в два ряда. Платье не было завидно модным, но, перешитое умелой рукой, издала могло казаться таковым. На ткани выступали несводимые пятна, а возраст наряда был очевиден при более внимательном изучении (что, впрочем, можно сказать и о самой мисс Коул). Но уличные бродяги оказались впечатлены и громко восхищались ее платьем, не будучи в силах опознать в нем костюм мисс Кейт Хардкасл на последнем представлении «Унижения паче гордости»³. Как забавно со стороны мисс Коул было вывернуть роль наизнанку и придать себе вид настоящей леди с помощью платья, позаимствованного в костюмерной!

Но я отклоняюсь от моей истории. Когда мисс Коул повернула с Нок-Фергюс на Кэн-нон-стрит, она заметила нахального вида джентльмена, идущего в нескольких шагах за ней. Это был со вкусом одетый молодой человек, в красивом бледно-голубом пальто, шейном платке, полосатом жилете, ловко сидящих бриджах и белых шелковых чулках. На нем был черный стюртук, придававший массивности его фигуре, и башмаки на пряжках с каблучками, сильно увеличивающими его рост. Его слегка напудренные волосы были модно завиты по бокам

³ Имеется в виду фарс «Ночь ошибок, или Унижение паче гордости» Оливера Голдсмита.

и заплетены в косичку сзади. Какой замечательный представитель мужского пола! Однако поля его круглой бобровой шляпы были низко опущены, скрывая черты лица. От одного этого наблюдения более сообразительная особа могла бы затрепетать в предчувствии беды, но увы, этого не скажешь о вашей подруге. Похоже, ей доставлял удовольствие предполагаемый интерес молодого джентльмена, и она любезно замедлила шаг, приближаясь к своей ветхой гостинице. Только когда он оказался сбоку, она заметила стиснутый в его руке клинок.

Злодей подскочил к ней, высоко занеся лезвие. Раз, два! Он ударил ее сбоку, раз и другой. Нож разрезал зеленый шелк, как шип раздирает лепестки цветов, тело под ним расселось, словно спелый персик. Нападающий был зачарован появлением красных пятен на зеленой ткани, пока испуганный визг жертвы не пробудил его от этого, и тогда молодой человек пустился наутек, а мисс Коул неуклюже плюхнулась в обморок.

Какое незабываемое зрелище! Ей повезло сохранить хотя бы жизнь, но не достоинство. Намерения нападавшего остались загадкой, но я, признаться, удовлетворена его действиями. Можно сказать, я отомщена, ведь мисс Коул нанесла мне несмыслимое оскорбление, столь откровенно показав свои намерения относительно вас вчера вечером, после того, как опустился занавес по окончании спектакля. Вину свою она усугубила сегодня утром, явившись на утренние репетиции с большим опозданием и спросив меня во всеуслышание, не поправились ли вы. Мне пришлось прибегнуть к импровизации и объяснить ваше отсутствие несвежим мясным пирогом, который приковал вас к постели со вчерашнего вечера и вредоносное влияние которого полностью вывело из строя как ваш ум, так и тело. (Мастерски исполненный намек, не правда ли?) Ваша подруга ухмыльнулась, прекрасно зная, что дома вы не ночевали, но мистер Льюис как будто удовлетворился моими вынужденными отговорками, так что ваша должность в театре пока остается за вами.

Посмотрим теперь, сможет ли бесстрашная мисс Коул со своими поврежденными ягодицами доковылять до Гудмен-Филдс на сегодняшний спектакль, или рана вынудит её пожертвовать своей единственной незабываемой репликой в пользу дублерши, как она любит называть мою ассистентку. Если она все же предпримет опасное путешествие к «Роялти», то, без сомнения, поведаст вам о сумасшедшем монстре, напавшем на нее, и в качестве доказательства покажет свои поврежденные места. Интересно, в каком темном углу она замышляет сделать это? Достойные женщины могут лишь надеяться, что раны на ее заднице поставят, наконец, эту заносчивую шлюху на место.

Но хватит об этом. Я слышу, наша дочь плачет, а – господь свидетель – она видит миссис Бартлет много чаще, чем родную мать. После того, как я успокою ее, мне нужно успеть в театр и верить, что вы будете там, в абсолютно трезвом уме и с еще одной сказкой о том, где вы провели такую длинную сегодняшнюю ночь, наготове.

Всецело преданная вам,
ваша жена Элизабет.

Бери-стрит, 27, Лондон
8 часов, 6 марта 1788 г., среда
Моя дорогая супруга!

Не могу отрицать, что письмо, найденное мной этим утром в кармане ночной рубашки, поразило меня, но вы выглядели столь спокойной во сне – вполне заслуженном после вашего триумфа на сцене вчера вечером – что я не посмел будить вас. Я решил, что будет лучше оставить это письмо на подушке, чтобы оно приветствовало вас по пробуждении, так как у меня назначена встреча с Чарльзом Дибденом по поводу роли в его новой опере в «Лицеуме». Это могло бы значительно улучшить наше положение, и я уверен, вы не будете недовольны тем, что я покидаю вас, не обсудив вопросы, затронутые в вашем послании.

Во-первых, я должен оправдаться. Вы совершенно не так поняли меня! Моя дружба с мисс Коул – не более чем дружба. Почему вы полагаете, что я мог бы найти другую женщину, более притягательную, чем вы? Весь Лондон аплодирует вашим талантам – вашему голосу, вашей способности вдохнуть жизнь в любую роль. Почему ваш муж должен думать о вас хуже, чем публика? Вы продолжаете сомневаться во мне, но, как сказал мистер Бельвиль капитану Бельвилю, человек, желающий стать благородным, уже является таковым. Мисс Коул прибегает к моему опыту время от времени, это правда. Она хочет сделать себе имя на сцене и считает, что я могу ей помочь. В конце концов, я знаю наизусть все самые известные пьесы, моим голосом восхищаются. Не такая уж большая жертва с моей стороны обучить ее одной или двум песенкам, а ничего более между нами нет.

Но мне интересно, откуда вы узнали о нападении на эту леди? Вы описали все так точно! Конечно, вы знаете, что мисс Коул пришла в театр вчера на вечернее представление, так как очень опасалась кары за позаимствованное платье. Да, она зашла прореху и свела пятна крови с ткани, но не смогла свести следы надругательства со своего сердца. Негодяй был не меньше шести футов ростом, крепкого телосложения, а его клинок был просто ужасен, как сказала мисс Коул. Она уж думала, что погибла, когда увидела лезвие. Ничего другого она не имела в виду, показывая свою рану. Нападавший был страшен! Рана по меньшей мере восьми дюймов в длину, и мисс Коул была так взволнована, что обычного аптечного бальзама оказалось недостаточно, чтобы ее успокоить. Злодей все время вспоминается ей, когда она пытается забыться сном.

И, когда Вы встанете после Вашего сна, я буду дома, и мы сможем обсудить этот предмет более подробно. Надеюсь, у меня будут хорошие новости о нашем будущем.

*Восхищающийся вашим талантом,
ваш муж Генри.*

На борту «Ариэля», следующего из Филадельфии в Лондон, июнь 1840 г

Тонкий, зеленоватый лучик света, струившегося на лицо, выманил меня из небытия. Пахло чем-то неприятным – аромат серы пополам с благоуханием гнили. Я попытался встать, но не смог и пошевелиться: волглая ткань прижимала локти к бокам плотно... точно саван! Страх вонзился в мозг, точно клюв прожорливой чайки – мертв! Мертв и погребен на дне морском! Пока тьма толкала мою сопротивляющуюся душу в пропасть, вокруг поднялся ужасный грохот – громче, громче, громче. И, когда тени почти утащили меня, я понял, что звук, раздающийся у меня в ушах, – это трепет моего собственного сердца и я еще не сдался на милость могильных червей.

Но ужас не отступил: я, очевидно из-за какой-то чудовищной ошибки, был погребен заживо. Родившийся в груди вопль не мог найти выхода, пока я сражался с каталептическим оцепенением, сковавшим меня, так как сам воздух превратился в пыль – зловещая мысль, поселившаяся у меня в сознании. А что, если не было никакой ошибки? Что, если это *убийство*? Движимый нечеловеческой энергией, я выпрямился и охнул от окружавшего меня подобия жизни. Глаза медленно привыкали к полумраку, и я увидел, что запутался в простынях, промокших насквозь от моего собственного пота. Комната, где я находился, пребывала в полном беспорядке, на ночном столике теснились бутылки. Постепенно я узнал каюту, которую занимал на борту судна, направляющегося в Лондон. Лихорадка, естественная или воображаемая, свалила меня, и я понятия не имел, как долго пробыл здесь взаперти. Выпутавшись из простыней, я спустил ноги на пол, а когда встал, видение испарилось, словно масло с раскаленной сковороды.

* * *

Когда я проснулся снова, то лежал лицом на прохладной столешнице, окруженный листами бумаги. Страх немедленно охватил меня снова – письма из шкатулки красного дерева! Неужели кто-то вломился в мою каюту? Я поднес к глазам ближайший лист и, когда зрение прояснилось, успокоился. Он не принадлежал к той странной переписке, которая послужила причиной моего путешествия в Лондон. Бумага оказалась новая, почерк скачущий, чернила разбрызганы и смазаны чьей-то небрежной рукой. Шатаясь, я добрался до кувшина на умывальнике, моля бога, чтобы там осталась вода, сколь угодно затхлая, иначе мне конец. К счастью, в кувшине обнаружился чистейший эликсир, который я немедленно и проглотил, не заботясь о том, что жидкость могла быть отравлена или набрана прямо из моря: глотка моя так же воспалилась от жажды, как ум – от пережитого кошмара. Когда кувшин опустел, я рухнул обратно на кровать и огляделся вокруг более внимательно. Каюта выглядела точно логово сумасшедшего – мое имущество было раскидано по полу, одежда истоптана и перепачкана. Я обратил свой взор на батарею бутылок – определенно, они и стали причиной того, что я видел вокруг – и, почувствовав настоятельную необходимость в успокоении, дотянулся трясущейся рукой до ближайшей из них. Это оказалась большая бутылка того рома, что больше всего любят самые матерые морские волки, и в ней оставалось всего на палец содержимого. Рядом стоял ее поверженный двойник – опустевшая бутылка настойки опия и пустой аптечный пузырек без этикетки. Когда я поднес бутылку с ромом к губам, от его густого запаха мой желудок забурлил, словно волны, терзавшие меня качкой, и я проклял демона, который в очередной раз взял меня под свою опеку.

Не знаю, сколько прошло времени, пока я, скорчившись, сидел в своей каюте, пытаюсь накопить достаточно сил, чтобы почистить одежду, и мужества, чтобы покинуть этот склеп. Но где же взять храбрости для встречи с попутчиками, если у меня нет ни малейшего понятия о том, что я говорил или делал, пока был в запое? После вечеров в питейных заведениях вроде «Кривой клюки», «Порхай-резвись» или «Забубенной головы» кто-нибудь из друзей всегда спасал меня от катастрофы и препровождал домой. Но на борту «Ариэля» такого друга со мной не было.

Легкий стук прервал мои нездоровые размышления, и дверь открылась, чтобы явить мне ангела, окруженного сиянием.

– Наконец-то вы снова с нами. Мы беспокоились за вас, мистер По.

Небесное создание приближалось, и я сжался – не ждать же мне было милосердия Господа? Она подошла ближе, и я увидел в ее руках поднос с кувшином и тарелкой с хлебом. Она поставила свою ношу на стол, взгляд ее скользнул по пустым бутылкам, и меня охватил стыд.

– Неплохо вы провели время. Но мы с мужем намерены излечить вас.

Она подняла над кувшином руку, и несколько сверкающих капель упало в сосуд, точно божественный дождь.

– Выпейте как можно больше воды и попытайтесь съесть немного хлеба. Вашу рубашку и костюм я отдала в чистку, и сделаю то же с тем, что сейчас на вас, если вы будете так добры переодеться в чистое. Муж вскоре придет проверить ваше самочувствие.

С этими словами мой ангел-хранитель растворился в сиянии, исходящем от двери.

Я не чувствовал голода, но смог съесть весь хлеб, макая кусочек за кусочком в чашку с водой. Во время еды я пытался вспомнить, что произошло до моего заточения в каюте, но, помимо посадки на корабль и кошмарного недомогания, в памяти моей не обнаружилось ничего. Покончив с хлебом и водой, я всмотрелся в зеркало, дабы оценить повреждения, и отскочил – на меня глядел призрак со впалыми щеками и лихорадочно горящими глазами. Волосы нечесаны, губы запеклись, кожа землистого оттенка... Одевание его было безобразно – измятые брюки и расстегнутая сероватая рубашка с дырой по шву. Мое тяжелое дыхание ускорило от страха, когда я вспомнил о медальоне, и пальцы по-паучьи поползли по вороту рубашки. Наконец я нащупал медальон, затерявшийся в складках материи, и открыл его, чтобы посмотреть на портрет внутри. Кроткая улыбка моей матери приветствовала меня, но я не обрел в ней утешения, а лишь предостережение.

Из соображений благопристойности, я запер двери в каюту и принялся снимать перепачканное платье. Стыд сокрушал меня – насколько же отталкивающим должен был я показаться моему серафиму! Умывшись остатками воды, я извлек из чемодана последнюю чистую смену одежды, привел себя в возможно более приличный вид, расправил скисшее постельное белье, собрал разбросанные бумаги и привел в порядок мои вещи.

Снаружи дернули ручку двери.

– Мистер По! Вы здесь? – спросили из-за двери с явным беспокойством.

Засим послышался женский голос, более мягкий:

– Мистер По? У меня ваша вычищенная одежда и чистое постельное белье.

Это была она, мой ангел-хранитель. Я распахнул перед ней дверь, но первым внутрь ворвался тучный бородатый мужчина.

– По! Рад, что вы очнулись. Дайте-ка на вас посмотреть, – он толкнул меня в кресло. – Дорогая, будьте любезны – свет.

Мой светловолосый ангел зажег свечу и поднес ее к моему лицу. Даже этот слабенький огонек подействовал, как жало, вонзившееся мне в череп. Я попытался сосредоточиться на красоте ангела, но мой палач наклонился, чтобы изучить мои зрачки, а потом бесцеремонно дернул вниз мою челюсть и уставился мне в рот.

– Хм, – протянул он, с той же бесперемонностью захлопнув мой рот. – Больше никаких походов к этим насквозь пропитанным ромом морякам за «лекарством», сэр. В следующий раз оно будет для вас смертельно.

Сие предостережение он подчеркнул сбивающим с толку смешком.

– Вам лучше послушаться мужа, мистер По. Одиночество не одолеть при помощи бутылки.

– В самом деле. Если вас опять одолеет морская болезнь, обязательно приходите ко мне.

Я кивнул, но отвлекся на его жену, которая занялась уборкой белья с моей кровати, и покраснел, увидев в ее руках мокрые зловонные простыни.

– Пожалуйста, не утруждайтесь! – полушепотом взмолился я, но голос изменил мне.

– Не беспокойтесь.

Она встряхнула свежее белье. Простыни заколыхалось, как парус при нежнейшем бризе, и опустились на койку.

– Юнга отнесет грязные в прачечную.

Моя нянька направила свой взор на меня. Ее глаза, большие и выразительные, были оттенены золотыми локонами, обрамлявшими ее лицо.

– Мы оставим вас пока, мистер По, но надеемся увидеться за ужином в шесть часов.

Доктор вытащил свои карманные часы и щелкнул крышкой.

– Это через час. И слушайте мою жену. Она очень толковая сиделка. До скорой встречи, сэр.

С этими словами они оставили меня одного. Я подошел к чемодану и достал спрятанную в нем шкатулку красного дерева. Биение моего сердца вновь участилось, когда я увидел торчащий в ее замке ключ, но, подняв крышку, успокоился: пачка писем все так же лежала внутри, перевязанная зеленой ленточкой. Тогда я обратил внимание на бумаги, собранные с полу. Среди них была страничка, написанная аккуратным ровным почерком:

*Рю Дюно, 33, в пригороде Сен-Жермен, Париж
6 апреля 1840 г.*

Мой дорогой По!

Ваше письмо, столь нарочито неясное, вполне преуспело в том, чтобы завладеть моим воображением. Amicis semper fidelis⁴, а поскольку я считаю себя вашим другом, то почти за честь помочь вам в вашем расследовании. Тем более что ваша просьба пришла очень кстати, так как у меня есть дела в Лондоне.

Как вы и предлагаете, я буду ждать вас 1 июля в «Аристократической гостинице Брауна» по адресу Довер-стрит, 23, и с нетерпением ожидаю узнать подробности той странной тайны, на которую вы намекнули.

Ваш покорный слуга

Огюст Дюпен.

Нетвердой рукой я отложил в сторону письмо Дюпена и собрал другие испятнанные кляксами и измятые листы. И вот что я, погружаясь в оцепенение, прочел:

«Ариэль», 13 июня 1840 г.

Дорогая Сисси, драгоценная моя жена!

⁴ Друг верен всегда (лат.).

Пишу в каюте, на борту корабля, направляющегося прямоком в ад. Прошло меньше недели с тех пор, как мы отчалили, но я боюсь, что больше не выдержу этой бесконечной качки. Мое здоровье ухудшается с каждым днем, и невозможно утвердить себя в земном мире, не будучи окруженным ничем иным, кроме воды – каждый бесконечный день, и еще один, и еще. Вода эта не плещется спокойно, но бурлит, и кипит, и угрожает полностью поглотить нас. Постоянно боясь утонуть, я более всего страшусь потерять тебя, моя дорогая, мой якорь спасения. Потому что я солгал тебе. Я сказал, что еду в Лондон по литературным делам, а ведь на самом деле я хочу раскрыть ужасную тайну – тайну, пятнающую мой род. Если эта таинственная шкатулка с письмами – не чья-то злая шутка, и если мое наследие действительно столь постыдно и омерзительно, боюсь, твоя любовь и весь источаемый ею свет погаснет, как угасает падающая звезда в водах океана, окружающих меня. И если я потеряю эту чистейшую истинную любовь, тогда и сам я буду уничтожен.

Снаружи бушует шторм, внутри же бушуют чувства. Они рвут паруса и саму основу моего существования. Как безрассуден я был, когда оставил семью в поисках ответов на вопросы из прошлого, унаследованные мною по крови, хотя и не по делам. Я должен доказать, что все это ложь! Ведь слова на бумаге могут лгать, если автор лжив.

Но знай, дорогая Сисси, что мои чувства истинны. Я заключу их в бутылку и брошу в истязующие меня волны, чтобы они перенесли ее на много миль, туда, где море превращается в реку Скулкилл. Ее токи донесут бутылку до самой Филадельфии, пока она не найдет тебя, гуляющую вдаль берега, где мы обычно вместе гуляли по вечерам. И когда ты поймаешь эту бутылку и вынешь ее содержимое, ты узнаешь, Сисси, любовь моя, что Эдди до сих пор думает о тебе, даже на самом дне моря.

*Остаюсь навеки преданный тебе,
твой пропащий мальчишка.*

Письмо, стиснутое в трясущихся пальцах, оглушило меня. Его мог написать только я, но я не помнил, как и когда сделал это. Снова мой злополучный двойник, призрак, время от времени овладевающий мной, насмеялся надо мной! Я обещал Сисси полностью воздержаться от спиртного, и, хотя не помнил, как нарушил клятву, вокруг меня было более чем достаточно доказательств, что она нарушена. Ничьи глаза, кроме моих, не должны были видеть это письмо. Я собрал страницы, запихал их в карман и покинул каюту, намереваясь выкинуть письмо в море.

В кают-компани было пусто, и я проскользнул на палубу незамеченным. Корабль несся и брыкался, как необъезженная лошадь. Мучимый головокружением, я пробрался на корму. Вдруг ноги подогнулись подо мной. Я уцепился за поручни, но слишком поздно. Я рухнул на палубу, и все вокруг окутала тьма.

Сверху раздался голос:

– Мистер По! – Чьи-то сильные руки подхватили меня под мышки и поставили на ноги. – Да, все еще не моряк... Позвольте, я помогу вам добраться до кают-компани.

Мускулистый доктор обнял меня за плечи и поволок вперед. Недовольный его вмешательством, я тем не менее почувствовал немалое облегчение от того, что был избавлен от дальнейших унижений: спутники, обнаружив меня без чувств на палубе, могли бы решить, что я пал жертвой алкоголя.

– Ах, вот и мистер По, – раздался сладкозвучный голос прелестной супруги доктора. – Мы очень рады, что вы присоединитесь к нам за ужином, но будьте осторожны в такой коварный вечер.

Она взяла меня под руку с другой стороны, и эти двое добрых самаритян повели меня в обеденный зал.

Кают-компания была залита светом свечей, и, когда мы вошли, на меня уставились трое незнакомцев. Выражения их лиц варьировались от умеренно приветливого до откровенно враждебного – хотя, возможно, мне это лишь почудилось.

– Мистер По снова с нами, – объявил доктор.

– Мы уже заметили, доктор Уоллис. Вполне ли вы поправились, мистер По?

Вопрос прозвучал, словно обвинение. Задал его тощий и бледный человек, почти лысый, если не считать двух параллельных прядей, зачесанных на темя, буравивший меня тусклыми глазками. Он был одет в темное, как и я, и держался ханжески.

– Пока еще слаб, мистер Эсквит, – вмешалась жена доктора. – Наш общий долг – помочь мистру По на пути к выздоровлению.

Мистер Эсквит прищурился и фыркнул:

– Только тот, кто противостоит посланцам сатаны, проследует путем жизни к небесным вратам!

– И наша обязанность – помогать попутчикам на этом пути, – ответила она.

– Истинно так. И всепрощение – дар Господа, – провозгласила женщина средних лет с волосами того же цвета, что и ее серебристо-серое платье. – Мы рады, что вы снова в силах преломить хлеб с нами, мистер По.

– Благодарю вас, мадам. Я ценю вашу сердечную поддержку.

Нервно улыбнувшись своим сотрапезникам, я отметил, что еще один человек пока не высказался относительно моего появления. Это был невысокий мужчина атлетического сложения, в возрасте, вероятно, около тридцати лет, с рыжими волосами и усами, одетый в кричаще-зеленый сюртук, желтый шейный платок и щегольские брюки в широкую ярко-зеленую полосу. Его можно было бы счесть симпатичным, если бы не высокомерие на лице и безвкусный костюм. Он оторвал надменный взгляд зеленых глаз от жены доктора и посмотрел на меня, словно кот, преследующий раненую птичку.

– О, По. Мы действительно счастливы видеть вас снова на ногах. Это гораздо более подобает человеку вашего положения.

Казалось, от его громкого, точно со сцены, голоса кают-компания дрогнула. Выговор же был знаком мне по детским воспоминаниям – мужчина явно был из Вирджинии или откуда-то еще южнее.

– Мистер По, садитесь же. Еду скоро принесут – по крайней мере, мы на это надеемся. Обычно они чертовски медлят с ужином.

Доктор указал на скамью передо мной и, когда я уселся, занял место справа от меня. Его жена изящно поместилась слева.

– Вам выпала честь иметь сиделкой миссис Уоллис. Я даже позавидовал вашему пошатнувшемуся здоровью.

Последние два слова человек в вульгарном зеленом сюртуке произнес с тщательно отмеченной – едва-едва остававшейся в рамках приличия – долей иронии. Миссис Уоллис покраснела. Я ожидал отпора со стороны ее мужа, но он был поглощен разжиганием сигары и, по-видимому, не обратил внимания на слова проходимца.

– И пожалуйста, примите к сведению, что я ничуть не оскорблен вашим критическим отзывом на мое жалкое бумагомарание, – продолжал тот. – Было очень познавательно ознакомиться с мнением профессионального редактора.

Я было почувствовал жар, поднимающийся от шеи к лицу, но меня спасло от конфуза прибытие двух молодых людей, несущих суп, мясо и хлеб.

– Прошу вас, мистер Мэкки, – мягко прервала его жена доктора. – Еда на столе. Настало время для приятной беседы.

Мистер Мэкки кивнул в знак того, что вынужден согласиться с ней, но, вновь встретившись с ним взглядом, я увидел, что глаза его холодны, будто лед. Жалкое бумагомарание... Это

были его собственные слова или мои? У меня не сохранилось никаких воспоминаний о нем и тем более – о его произведениях. Наживать себе врага, когда ты заперт на судне посреди океана, по меньшей мере неблагоразумно... Ароматы блюд и запах только что зажженной сигары мистера Уоллиса и без того скверно действовали на мой желудок, а от возникших опасений неприятные ощущения еще усилились.

– Ограничьтесь супом, мистер По, – посоветовал доктор Уоллис из облака дыма. – Вряд ли ваш желудок уже готов принять мясо.

Миссис Уоллис наполнила тарелку крепким бульоном и поставила ее передо мной. Я сумел съесть несколько ложек, но его дразнящий аромат смешивался с дымом сигары и запахом мяса и картофеля, а корабль нырнул вниз и вновь взлетел кверху. Влияние всего этого на мои чувства было немедленным и катастрофическим. Кое-как выбравшись со своего места, я поднялся на ноги и ринулся прочь из кают-компания, не дожидаясь, пока еще пуще опозорюсь перед окружающими. Гулкий хохот безвкусно одетого человека преследовал меня, пока я не выбрался на свежий воздух и не добрался до борта, где и изверг содержимое желудка – к счастью, без свидетелей. Когда волны дурноты оставили меня, я глубоко вдохнул ночной воздух. Как я присоединюсь к моим попутчикам после столь возмутительного бегства? И тут я вспомнил о письме. Я достал листки из кармана и поспешил швырнуть в алчущую бездну, пока мне опять не помешали. Исписанные страницы унеслись во мрак. Как бы хотелось мне, чтобы и мое унижение улетело вместе с ними!

Наконец я отвернулся от бушующих вод, и страх снова охватил меня при виде тени, мелькнувшей на палубе и спрятавшейся в темноте. Не явился ли за мной невзлюбивший меня писатель, чтоб защитить свое творчество каким-нибудь подлым образом? Я стоял в оцепенении, страх крался мурашками вверх и вниз по спине при каждом скрипе и стоне корабля. Да, в столь обессиленном состоянии столкновение определенно не пошло бы мне на пользу.

Но из мрака в очередной раз появились мои спасители – доктор Уоллис с женой.

– Весьма неразумно бродить по кораблю одному в темноте, мистер По, – сказал доктор. – На палубе опасно, здесь слишком скользко от морской воды. Пойдемте, мы проводим вас.

Мои новые друзья взяли меня под руки, отвели в каюту и пожелали спокойной ночи.

Если я надеялся, что уединение поможет мне справиться с моим позором, я ошибался. Среди отсвета свечей и ползучих теней мое самоистязание только усугубилось. В конце концов я взял в руки перо и написал письмо возлюбленной жене, описав дух товарищества среди пассажиров, солнечную погоду и безмятежное море; не забыл упомянуть и о новых рассказах и стихах, которые я написал, проводя время с пользой. Потом я запечатал это порождение буйной фантазии сургучом и оставил его на секретере до тех пор, когда его можно будет отправить домой, в Филадельфию.

Бери-стрит, 27, Лондон

Утро 19 марта 1788 г., среда

Дражайший мой Генри!

Утром я была рада обнаружить вас дома, и, видимо, в полном благополучии, хотя и чрезмерно выпившим накануне, судя по тягости вашего сна. Наша тесная компания была очень озабочена тем, что накануне вы не смогли прибыть в харчевню после вечернего представления. Все время ужина мы ждали вас, но тщетно!

Мисс Коул была заметно раздражена тем, что видела вас за продолжительной беседой с миссис Райт и ее младшей сестрой, мисс Пирс, до сих пор ищущей жертву, за которую ухитрилась бы выскочить замуж. Сестры эти посещают наш театр регулярно, но мисс Коул клялась и божилась, что миссис Райт строит коварные планы на предмет кого-то из «Роялти». Более того, она твердо уверена, что эта леди добивалась именно вашего внимания.

Я, признаться, никак не могла припомнить, кто такая эта миссис Райт, и мисс Коул удостоила меня описанием: «Сама тоща, как мокрая кошка, ножищи – как у слона, а лицо рябое и вытянуто, точно лошадиная морда». Сей экскурс в мир животных мне ничем не помог. Тогда Энни добавила, что данная леди была одета в желтое и синее, а на шее носила ожерелье из крупных голубых камней, оправленных – по крайней мере с виду – в золото. Я тут же поняла, о ком речь. Наряд этой леди отличался отталкивающим сочетанием лазурно-голубого с канареечно-желтым, а уж три ленты по канту, кружевные манжеты и ворот вкупе со старомодным красным поясом делали его просто вульгарным.

Продолжительность вашего флирта с миссис Райт отметил и мистер Бланишар: пока миссис Райт потчевала вас увлекательными историями о канцелярской лавке ее покойного супруга, в которой она проводит вечера, обслуживая покупателей, ее незамужняя сестрица снизошла до светской беседы с ним. Как жаль, что ваш увлекательный разговор состоялся в мое отсутствие!

Кроме этого, мистер Бланишар спас меня от невыносимого конфуза. Если бы не его любезность, мне пришлось бы признаться перед всеми собравшимися, что у меня в кармане не хватает денег, чтобы расплатиться за ужин. Разумеется, я заверила его, что завтра же вы возместите его расходы полностью. Уверена, вас не затруднит сочинить для мистера Бланишара впечатляющую историю, объясняющую ваше отсутствие за ужином, а также позаботиться о том, чтобы достоинство мое не пострадало.

*Ваша законная жена
Элизабет.*

*Бери-стрит, 27, Лондон
21 марта 1788 г., пятница*

Дорогая моя Элизабет!

Пожалуйста, простите мне задержку с ответом, но я только сейчас обнаружил ваше письмо – на полке, под бутылкой джина. Если бы не жажда, я мог бы вовсе не найти его!

Во первых строках моего письма выражаю глубочайшее сожаление о том, что не смог сопроводить вас в харчевню во вторник вечером. Но страхи прочь! – ваша репутация нисколько не пострадала в глазах мистера Бланишара. Он был весьма расстроен моим рассказом о том, как у выхода из театра ко мне в карман залез вор. Когда же я крикнул: «Держи его!», тот отвесил мне такую затрецину, что я был совершенно оглушен и, опасаясь рухнуть без чувств посреди улицы, поспешил направиться домой. Кроме того, мистер Бланишар любезно согласился принять возмещение стоимости вашего ужина после того, как в театре нашем выдают жалованье.

Что же касается миссис Райт, я вновь ранен ядовитым языком сплетни! Но я – не леди Снирюзл⁵, я выше того, чтоб отвечать поклепом на клевету. Уж не знаю, чье внимание добивалась миссис Райт во вторник вечером, но вчера на исходе дня ей действительно было оказано самое пристальное внимание. Сия волнующая драма разворачивалась таким образом.

Закрыв свою канцелярскую лавку, миссис Райт прошла по Уотлинг-стрит и только свернула на Боу-лейн, как вдруг что-то резко шаркнуло по ее задку, больно оцарапав ягодичцы. Она громко вскрикнула, и тут, обогнав ее, вдаль по Боу-лейн пронесся человек в красных бриджах, черном сюртуке и высокой треуголке с кокардой. Безжал преступник дьявольски быстро, да вдобавок громко хохотал на бегу. От страха и боли у миссис Райт закружилась голова, и она рухнула наземь. С трудом удалось ей вернуться в лавку, чтобы прийти в себя. Там, к великому своему огорчению, она обнаружила на своем платье – том самом, лазурно-

⁵ Персонаж пьесы Ричарда Бринсли Шеридана «Школа злословия»; синоним хитрой и мстительной интриганки.

голубом и канареечно-желтом, которое вам так не понравилось – огромный порез сзади. Более того, зад ее пострадал не меньше, чем платье! После всего этого она совершенно не в состоянии успокоиться.

Особенно смущает меня невероятное сходство сего надругательства над миссис Райт с нападением на мисс Коул. Удар ножом сзади поперек окороков, загубленное платье и опасность загубленной репутации! И не странно ли, что перед нападениями обе женщины посещали театр «Роялти»? Все это внушает мне тревогу о вашей безопасности, дорогая. Ведь эти буйные эскапады имели место при свете дня, были беспричинны и совершенно необъяснимы: ни одну из пострадавших леди не ограбили. Пожалуйста, будьте как можно осторожнее, отправляясь по делам.

*С заботой о вас,
Генри.*

Ливерпуль, затем Лондон, 1 июля 1840 г., среда

Более трех недель на море привели меня на грань безумия, но я пережил остаток путешествия, не потакая больше моей пагубной слабости. Каждый день я писал Сисси и Мадди, моей теще, довольно сентиментальные описания моего путешествия. Я обещал жене провести время с пользой, написав несколько рассказов, и даже пытался найти вдохновение среди окружавшего меня однообразия, но, записав начала нескольких морских авантур и пиратских историй, в результате которых очередной корабль отправляется на дно океана вместе с командой, отправил эти поделки в водяную могилу.

И вот на рассвете «Ариэль» вошел в ливерпульский порт! У меня сразу стало легче на душе. Наконец-то! Я могу предать забвению мои грехи и стать Эдгаром По – писателем, критиком и ученым. Человек, обитавший в моей каюте, остается в прошлом. Я задумался о том, что прибытие в другую страну дает человеку шанс изменить свою жизнь. Можно изменить характер, исправить ошибки и начать все сначала, нужно лишь достаточно решимости! Эта мысль поразила меня. Я поклялся вернуться к ней, когда буду в не столь тревожном настроении. А для начала следовало найти вокзал и сесть на поезд до Лондона, не попавшись в руки тех сомнительных личностей, что часто посещают ливерпульские злачные места и проводят дни и ночи, бродя по улицам и переулкам в поисках честного гражданина, которого они могли бы надуть. Они одинаковы в каждом порту – по крайней мере, это следовало из множества историй, слышанных мной в тавернах неподалеку от филладельфийских доков.

Итак, ранним утром я и мои попутчики сошли на берег и направились на ливерпульскую станцию Лайм-стрит, где сердечно распрощались друг с другом. Мистер и миссис Уоллис оставались в Ливерпуле у родственников. Мистер Эсквит направлялся в Манчестер – читать лекцию о моральной пользе трезвости, а мисс Николсон ехала в Престон навестить свою престарелую мать. Мистер Мэкки же собирался в Лондон на «роскошное театральное представление собственного произведения». То ли написанную им пьесу должны были ставить в каком-нибудь маленьком театре, то ли он убедил невинную богатую девушку выйти за него замуж – я не стал расспрашивать. Оба мы проследовали к лондонскому поезду, но не предполагали более встречаться и сели в разные вагоны.

Купе оказалось довольно комфортабельным. Устроившись, я начал размышлять о назначенной встрече с шевалье Огюстом Дюпеном в гостинице Брауна. Я познакомился с ним в 1832 году, когда жил в Париже. Местом нашей встречи оказалась библиотека на рю Монмартр, где мы разыскивали один и тот же редкий томик стихов, «Тамерлан и другие поэмы», и это совпадение вызвало длительную беседу о наших интересах, в которой выяснилось, что мы оба разделяем страсть к загадкам, головоломкам и тайным знакам. Спустя некоторое время Дюпен предложил мне пожить у него, что я и принял с благодарностью, так как деньги подходили к концу. Дюпен, по-видимому, тоже был в стесненных обстоятельствах, но запущенность его дома не отражала состояния его ума – он был великим эрудитом и мыслителем, перед которым не могла устоять ни одна загадка. Редко выпадал мне случай провести вечер столь же интеллектуально, как в беседе с Дюпеном, обсуждая его обширную библиотеку или исследуя ночной город. Эта разделенная симпатия придавала мне уверенности, что вместе мы сможем ответить на все вопросы, терзавшие меня с тех пор, как новая жена моего отца прислала мне письма в шкатулке красного дерева и сообщила, что это мое наследство.

Постепенно мой неугомонный ум успокаивался под действием усыпляющего вида из окна вагона – бесконечные зеленые поля, сумрачные леса и небо в облаках – пока эти картины не исчезли и я не погрузился в беспокойную дрему. Не знаю, сколько времени прошло, но, когда я открыл глаза, было совершенно темно, и мне показалось, что в купе кто-то есть. И тут в непроглядной тьме блеснули два безумных фиалковых глаза! Мое тело окаменело. Женщина

с бледной кожей и угольно-черными вьющимися волосами возникла из мрака и двинулась ко мне, скользя так бесшумно, словно она была частью самой ночи. В руке она держала бокал. Когда она оказалась передо мной, три или четыре капли рубиновой жидкости упали в него, будто капли бриллиантовой крови, и она поднесла зловещий сосуд к моим губам, вынудив испить сию чашу. Затем она придвинулась еще ближе, и ее волосы – чернее, чем вороново крыло – обволокли меня и потащили – глубже и глубже – в удушливый мрак...

* * *

Свисток паровоза и собственный жуткий вой встряхнули и разбудили меня, как раз когда мы въехали на Юстонский вокзал. Я вышел в призрачный, освещенный газом мир и быстро добрался до наемного экипажа, наказав вознице отвезти меня в гостиницу Брауна. Мы неслись по улицам Лондона со сверхъестественной скоростью, копыта лошади грохотали по мостовой, точно поступь самого дьявола. Иногда я сомневался, пройдет ли экипаж узенькой улочкой, не опрокинемся ли мы, заворачивая за угол на полном ходу. Из-за копоти, покрывавшей окна, и тщетных попыток сохранить достоинство, трясясь на ненадежном сиденье, города я почти не разглядел. К тому времени, как повозка остановилась, я так запыхался, будто все это время бежал наперегонки.

От усталости после долгого путешествия и последствий морской болезни меня пошатывало, словно пьяного, но атмосфера гостиницы заметно улучшила мое состояние. Безраздельное господство Англии в искусстве внутренней отделки было наглядно представлено уже в фойе. Здесь не было крикливой роскоши, столь обычной для Америки, где задает тон аристократия доллара. Настоящей английской знати не пристало вульгарно выставлять напоказ свои богатства.

Портье, усатый лысеющий человек лет, вероятно, тридцати пяти, но выглядящий на добрый десяток лет старше, был расторопен и учтив, несмотря на смущение, которое я не смог скрыть, увидев недельный счет за наши с Дюпенем номера. Номера в гостинице бронировал не я, а агент, занимавшийся и покупкой билета на «Ариэль», и их стоимость оказалась столь поразительной, что, не пригласи я своего прославленного друга помочь в моем расследовании, наверняка отправился бы искать жилье подешевле. Но оконфузить его предложением перебраться в гостиницу попроще я, безусловно, не мог. К тому же, нужно ведь хоть раз в жизни насладиться изысканным комфортом, которого я был лишен с тех пор, как мои приемные родители почти что выжили меня из дома!

– Мы уверены, что ваши апартаменты полностью удовлетворят любые ваши потребности. Если же потребуется что-либо еще, не стесняйтесь спрашивать, – сказал портье, передавая мне ключ от номера восемь.

– Неплохо бы сигар.

– Мы взяли на себя смелость доставить их загодя, сэ.

– И еще, я хотел бы оставить записку для шеваляе Дюпена, который также остановился у вас.

– Он оставил записку для вас.

Портье подал мне сложенный лист бумаги. Я немедленно сломал печать и развернул его.

Дорогой сэ!

Не встретиться ли нам за ужином сегодня? В десять часов, номер двенадцать.

С почтением,

Огюст Дюпен.

Да, Дюпен безупречно подготовился к моему приезду! Я отправился к себе в номер, чтобы освежиться перед ужином, и, открыв дверь, с удовольствием обнаружил, что комнаты обставлены с большим вкусом. Аргандова лампа с матовым стеклом излучала спокойный свет, а саксонский ковер оказался добрых полдюйма в толщину. Два окна с глубокими проемами, отделанными парчой, выходили на Довер-стрит и были занавешены шторами из темно-малинового шелка с золотой бахромой. Над камином висел очаровательный пейзаж; рядом расположились диван и два стула розового дерева, обитые малиновым шелком, расшитым золотыми цветами. Возле одного стула стоял восьмиугольный мраморный столик с высоким канделябром на нем. Будь у меня достаточно средств обустроить семейное гнездо в соответствии со своим вкусом, именно такой я предпочел бы видеть свою библиотеку, место для размышлений, исследований и творчества.

Пока я распаковывал чемодан и готовился к ужину, уютная обстановка номера значительно подняла мне настроение. В десять часов я подошел к номеру двенадцать со шкатулкой красного дерева под мышкой и постучал.

– Войдите.

Я вошел в номер Дюпена. Он поднялся с большого кресла, приветствуя меня, и я замер на месте. Наше сходство оказалось поразительным – я словно увидел самого себя в зеркале. Оба мы были одного возраста – тридцать один год, одинакового роста и телосложения. Даже наша одежда была похожа, Дюпен, по обыкновению, был с головы до ног в черном, будто сама ночь, и я предпочитал одеваться так же.

– По! Рад снова видеть вас.

– И я рад вас видеть, Дюпен.

Я шагнул вперед, готовясь пожать ему руку, но он склонил голову и плечи в церемонном поклоне. Я запнулся и неуклюже ответил тем же. От счастья видеть моего друга после столь долгой разлуки я совсем забыл о его неприязни к выражениям дружбы.

– Садитесь, пожалуйста.

Он кивнул на кресло напротив своего и подошел к столику у стены, где стоял графин с вином. Я сел и поставил шкатулку рядом с креслом, так как мраморный столик был весь уставлен блюдами, прикрытыми крышками, которые, впрочем, не могли воспрепятствовать изысканным ароматам нашего ужина вырваться на волю. Дюпен подал мне бокал вина, вернулся в свое кресло и пристально взглянул на меня, ожидая, когда я заговорю. Мы словно вновь оказались в его библиотеке, чтобы обсудить какую-нибудь интеллектуальную головоломку или загадочную историю, преподнесенную ему префектом парижской полиции – как будто и не было тех восьми лет, что минули со времен нашей последней встречи.

– Ваше здоровье.

Я поднял бокал, Дюпен отсалютовал бокалом мне в ответ. Пока мы потягивали вино, я рассматривал своего товарища. При благородной осанке, унаследованной от знатных предков, Дюпен обладал высоким лбом интеллектуала, но не отличался крепостью сложения. Я с удовлетворением отметил, что цвет его обычно бледного лица улучшился, а взгляд больших серых глаз был жив и ясен. К сожалению, о моем виде нельзя было сказать того же.

– Надеюсь, ваше путешествие было сносным, – сказал он, будто читая мои мысли.

– Более или менее...

– Отель выше всяких похвал. Я должен...

– Я счастлив, что вы нашли его подходящим, – ответил я, прерывая благодарности друга, чтобы не смущать нас обоих.

Финансовые обстоятельства Дюпена ненамного улучшились со времени нашей последней встречи, и я, естественно, предложил оплатить наше расследование. Тем более что бедность, в которую ввергло меня бессердечие приемного отца, была удачно, хотя и временно, смягчена круглой суммой, полученной мною от богатой английской дамы по имени Хелен Лоддидж за

редактирование любительского орнитологического исследования, посвященного редким птицам Центральной и Южной Америки. Тот факт, что моя благодетельница проживала в Лондоне, послужил оправданием этой поездки в глазах жены. В конце концов, я ведь действительно намеревался посетить мисс Лоддиджс, и посему на моей совести не лежало бремя обмана.

– Вы оказываете мне большую услугу, Дюпен, и я рад, что «Аристократическая гостиница Брауна» оправдывает свое название, предоставив нам такие славные номера.

К счастью, его номер был так же хорош, как мой, с добавлением нескольких больших северских ваз с живыми цветами, которые почему-то не пахли.

– Может быть, вас это удивит, но я не нахожу в убранстве никаких изъянов, – добавил я. Дюпен улыбнулся. Он хорошо знал мои взгляды на меблировку.

– Да, это весьма удивительно. Но мне интересно, были ли у вас причины – за исключением образцовой обстановки – выбрать именно эту гостиницу.

– Признаться, я ничего не знаю о ней, кроме того, что сказано в рекламном объявлении, которое я послал вам вместе с письмом.

Он достал из кармана сюртука изящный буклет и передал его мне. Я и без того хорошо помнил его, но перечел снова, поскольку Дюпен, очевидно, ожидал этого. Бумага была плотной, отменного качества, на обложке имелся выполненный чернилами набросок здания, а внутри текст, написанный почерком настолько каллиграфическим, что его можно было принять за типографскую печать.

«Аристократическая гостиница Брауна»,
Довер-стрит, 23, Мэйфер, Лондон.
Расположена рядом с Грин-парком,
театрами и многими историческими
достопримечательностями Лондона,
а также лавками, постоянными покупательницами коих
являются самые изысканные леди Лондона.
Наша гостиница для благородных джентльменов
меблирована по высочайшим стандартам,
с сугубым вниманием к удобствам тех,
кто почтит ее своим вниманием.
Чаевые включены в счет. Собственная кухня.
Владелец – мистер Джеймс Браун,
бывший камердинер лорда Байрона.

– Необычная реклама, – заметил Дюпен. – Как она к вам попала?

– Я получил ее вместе с билетом на «Ариэль». Мой агент взял на себя смелость заказать мне номер в гостинице и по моей просьбе заказал еще один.

Дюпен забрал буклет и спрятал его в карман.

– Теперь давайте посмотрим, так ли хороша их кухня, как обстановка.

Он снял серебряные крышки с блюд, на которых обнаружился ужин, состоявший из жареного цыпленка с морковью и картофелем. В животе у меня заурчало. Дюпен быстро разложил еду по тарелкам. Вооружившись столовыми приборами, мы не произнесли больше ни слова. Когда мы насытились и убрали посуду на кухонный поднос, Дюпен налил нам коньяку и обрезал кончики двух сигар.

– Надеюсь, вы найдете их более чем удовлетворительными.

Дюпен прикурил от серной спички и подал огонь мне. Раскурив сигару, я затянулся ароматным дымом.

– Отлично!

– «Нью Уорд» славится высоким качеством.

Его слова словно превращались в дым, а потом – вновь в слова. Несколько минут мы наслаждались сигарами молча, но безмолвие Дюпена порождало тревогу – для него духовные удовольствия всегда стояли выше телесных. Я переставил шкатулку красного дерева на мраморный столик.

– Благодарю вас за то, что согласились мне помочь, хотя я предоставил вам так мало информации о том, что привело меня в Лондон.

– Польщен, что вы не усомнились в моей готовности помочь, – ответил Дюпен. – И мне очень любопытно узнать больше о вашей исторической головоломке.

Я кивнул на шкатулку:

– Как вы уже догадались, это имеет прямое отношение к моей загадке.

– Конечно.

– Боюсь, к сути моей проблемы придется идти окольным путем, чтобы уж точно посвятить вас во все подробности.

На лице Дюпена появился намек на улыбку.

– Вы знаете меня. Лучше полагать, что важны все детали, чем обратное, иначе легко можно упустить нечто, лежащее на поверхности.

Перед тем, как начать рассказ, я сделал добрый глоток коньяка.

– Не помню, говорил ли я вам, что моя мать родилась здесь, в Лондоне. Еще будучи ребенком, она эмигрировала в Бостон со своей матерью. Та была актрисой и дебютировала на театральной сцене вскоре после приезда на новую родину. Моя дорогая мама тоже выросла замечательной актрисой и в свое время встретила с отцом, который также хотел играть в театре. Таланта у него было немного, и он ее бросил – вероятно, из зависти, оставив одну без гроша с тремя маленькими детьми. Она делала все возможное, чтобы прокормить нас, но слабое здоровье ввергло ее в еще более отчаянную нужду, и она умерла в Ричмонде, штат Вирджиния, когда мне не было еще и трех лет.

Я сделал паузу, чтобы затянуться сигарой. Вместе с дымом в грудь хлынула волна привычной меланхолии. Дюпен также затянулся табачным дымом, не отводя от меня пристального взгляда.

– К счастью, у матери было много друзей, которые ей помогали, и нас, троих ее детей, приняли к себе три семьи. Я считаю, что мне повезло больше всех, так как мои приемные родители, Джон и Фрэнсис Аллан, не только взяли меня в свой дом в Ричмонде, но и обращались как с родным сыном, настаивая, чтобы я называл их мамой и папой. Я жил обеспеченно – можно сказать, в полной идиллии. Но в шесть лет эта идиллия была прервана нашим переездом в Лондон. Мы прожили здесь пять лет, однако предприятие отца оказалось убыточным, а здоровье мамы начало портиться. Даже возвращение в ее любимый Ричмонд не спасло ее, и она преждевременно покинула этот мир, оставив в моем сердце глубокую рану. Ее муж не страдал так сильно, и с неподобающей поспешностью женился снова, что привело к страшной ссоре между нами.

Дюпен принял изложение моего прошлого кивком, попыхивая сигарой. Мои отношения с приемным отцом были враждебными, когда я жил в Париже, но сверх этого Дюпен мало что знал о них.

– Когда здоровье папы внезапно пошатнулось, его новая жена не сообщила мне, что он при смерти, и возможность примирения была упущена. Я приехал в Ричмонд на похороны, но был принят как посторонний. Не стыжусь признаться, что я ожидал стать наследником большого состояния.

– Разумное ожидание, учитывая прочность уз, связывавших вас с приемной матерью, и долгие годы, прожитые с приемным отцом.

Я энергично кивнул, благодаря Дюпена за понимание моей точки зрения.

– Однако новоявленная миссис Аллан заняла позицию, противоположную той, что занимала покойная жена мистера Аллана, – продолжил Дюпен, – и полагала, что унаследовать состояние мистера Аллана должны только ее дети.

– Что в высшей степени бесчестно!

Я почувствовал, что краснею от гнева, и глотнул коньяку, чтобы успокоиться.

Дюпен поднял брови.

– Конечно. Но честь редко являет себя там, где речь идет об имуществе. Ребенок может вполне полагаться на родительское наследство, если имеет на него право по рождению, но даже тогда его вполне может украсть кукушка, ждущая у гнезда.

– Мама и папа растили меня, как будто я их единственный сын. Жестоко было отказываться от меня после смерти мамы – она не позволила бы исключить меня из завещания. Я хотел указать на это его вдове после похорон, но эта невоспитанная женщина полностью пренебрегла моим присутствием в Ричмонде.

Дюпен выпустил клуб дыма, придавший ему довольно злобещий вид, но голос его звучал, как всегда, ровно:

– Гнев вполне естественен, если ваше наследство украдено соперником с моральными принципами обыкновенного вора, однако важно планировать ответный удар с наибольшей осторожностью. *La vengeance se mange très-bien froide*⁶. Редко торжествует над неприятелем тот, кто разгорячен гневом – в конце концов побеждает тот, чья голова холодна.

– Не беспокойтесь. Я не собираюсь возвращаться в Ричмонд и мстить этой «миссис Аллан», поскольку слишком ценю свою свободу. Есть нечто более насущное. В этом-то мне и требуется ваша помощь.

Дюпен кивнул на шкатулку красного дерева:

– Нечто, объединяющее вдову вашего приемного отца, ваше наследство, Лондон и это?

– Именно. Представьте себе мое изумление, когда в конце февраля этого года я получил большую посылку от миссис Аллан, а при ней письмо, в котором сообщалось, что она посылает мне некоторые предметы, которые являются моими по праву рождения. Эти слова внушили мне надежду, что она наконец-то решила поступить со мной по чести, но надежда рухнула, когда я открыл посылку и обнаружил внутри это.

Я указал на обсуждаемый предмет. Плоская крышка шкатулки была увенчана квадратной латунной ручкой, на передней стенке имелась латунная пластина с замочной скважиной в форме сердца, из которой торчал ключ, украшенный красной кисточкой. Я наклонился и открыл шкатулку. Внутри она была отделана кожей малинового цвета, на дне лежала стопка писем, перевязанная зеленой ленточкой. Я выложил письма на мраморную столешницу.

– Здесь семь писем, написанных больше полувека назад двумя разными почерками и свидетельствующих о некоей скандальной череде событий. – Я невольно понизил голос, хотя услышать нас было некому. – Похоже, что я унаследовал улики, относящиеся к нескольким злодейским нападениям, совершенным в Лондоне в тысяча семьсот восемьдесят восьмом году.

Дюпен продолжал попыхивать сигарой. Выражение его лица осталось неизменным.

– Вы говорите, двумя разными почерками?

Я кивнул.

– Да. Принадлежащими Элизабет и Генри Арнольдам.

Дюпен оценивающе рассматривал стопку писем. Дым сигары вился вокруг него, словно таинственный туман.

– Что же вам известно об Элизабет и Генри Арнольдах? – спросил он, устремив на меня взгляд готового к прыжку кота.

⁶ Месть – это блюдо, которое следует подавать холодным (*фр.*).

– Немногое, – осторожно ответил я. – Только то, что удалось узнать из этой переписки. Они были мужем и женой и играли в лондонских театрах.

Глаза Дюпена слегка сузились.

– Крайне странно, что этот ларец и письма вам отправили с таким необъяснимым запозданием, если это действительно было завещано вам приемным отцом. Там не было записки от него?

– Нет. Только письмо от миссис Аллан.

– Оно еще у вас?

– Да, но я не догадался прихватить его с собой.

– Я хотел бы его увидеть.

Дюпен пробежался пальцами по краю шкатулки и склонился, чтобы заглянуть внутрь.

– Довольно большое вместилище для столь незначительного груза, – пробормотал он, прежде чем усесться обратно и сделать глоток коньяку.

Я пожалел, что выпил свой бокал так быстро, но не хотел выглядеть чревоугодником, попросив еще один.

– Позвольте мне говорить прямо, Дюпен, – сказал я. – Я считаю, что эти письма – подделка, изготовленная злокозненной миссис Аллан, чтобы я терзался предположениями, будто имею какое-то отношение к описываемому в них скандалу. – Из груди моей вырвался вздох. – Одно дело – лишить ребенка наследства, и совсем другое – обременить его таким странным достоянием. Да, моему приемному отцу была известна моя страсть к загадкам, но он никогда не пытался поощрять во мне интеллектуальные наклонности. Не верится, что это было отправлено мне по его воле.

– И вы думаете, что вдова Джона Аллана хочет причинить вам боль, послав вам шкатулку с поддельными письмами?

Дюпен стряхнул пепел с сигары и затыкнулся ею, пока она не вспыхнула багровым, точно глаз демона, завораживающий и злой. Я действительно был уверен в этом, но, сформулированная Дюпеном, эта мысль прозвучала крайне глупо.

– Прочтите письма, и вы увидите, что я имею в виду.

Дым сигар и ароматизированных свечей в канделябре начал угнетать меня. Накатила нестерпимая слабость.

– Благодарю вас за ужин, но я ужасно устал. Не продолжим ли мы завтра, например, в одиннадцать?

– Конечно, – ответил Дюпен, не сводя с меня глаз. – Оставьте письма у меня, я хотел бы прочесть их.

* * *

Оказавшись снова у себя, я постарался успокоиться, написав письмо Сисси, но не смог сказать ей ничего такого, что не взволновало бы ее. В окна начал стучать сильный дождь, и меня пробрал озноб. Чувствуя себя вконец расстроенным, я лег в постель, но сон ускользал от меня. В воздухе распространился холод, и с замиранием сердца я почувствовал чье-то присутствие в комнате. Нечто, явившееся ко мне, источало смертоносные мистические испарения, они становились все гуще и ярче, точно вспышка молнии, пойманная и застывшая в грозовых тучах. Потом в голубом тумане показался светящийся красный глаз – одинокий огненный глаз, гипнотизирующий и полностью подавляющий волю. Простыни опутали меня, словно щупальца какого-то сверхъестественного существа, и, пытаясь вдохнуть, я гадал, увижу ли когда-нибудь опять мою дорогую жену. Погружение в ничто оказалось бесконечным, но вдруг чары рассеялись сами собой, и глаза мои распахнулись...

Со смущением и облегчением я обнаружил, что уже утро.

*Бери-стрит, 27, Лондон
8 мая 1788 г.*

Генри!

Я ожидала, что накануне вечером мы встретимся в Вестминстерской школе красноречия, как договаривались, но надежды мои пропали втуне. Интересно, сумели ли вы обеспечить наше участие в летних гастролях, как обещали? Если наше финансовое положение не переменится к лучшему, то что же будет с нашей дочерью? Вы, безусловно, понимаете, что я не могу снова просить о помощи отца. Тот факт, что у него новая жена, отнюдь не помог в моих стараниях утихомирить его.

Тема дискуссии вчера вечером была такой: «Правдив ли известный афоризм, гласящий, что в семейных отношениях нет середины, но брак всегда есть высшее счастье или горчайшее горе». Помня о плачевном состоянии наших личных отношений, нахожусь эту тему весьма кстати. Интересно было бы услышать вашу точку зрения на сей предмет. Мнения же собравшихся разделились. Многие утверждали, что нормальный брак и есть нечто среднее между счастьем и горем, что глупо искать в брачном союзе совершенного счастья, поскольку людям свойственно ошибаться: слишком часто ими руководит не рассудок, но чувства. И «горчайшего горя» в браке также терпеть нельзя, несмотря даже на то, что развод – это низость. Это последнее утверждение и породило больше всего споров. Некоторые из собравшихся объявили, что муж и жена не имеют права рвать узы брака, заключенного перед лицом Господа; неважно, сходятся ли они характерами и в радость ли им их союз.

Жаркий спор, последовавший за этим, напомнил мне апрельскую дискуссию в Каучмейкерз-холле. Обсуждали, как вы, возможно, помните, что более разрушительно для семейного счастья – ревность мужа или непостоянство жены. Тема была предложена женицной, написавшей роман под названием «Прекрасная неверность», и собравшиеся сошлись на том, что непостоянство жены гораздо разрушительнее. Я тогда предложила расширить тему обсуждения, включив в нее также изменников-мужей и ревнивиц-жен. Но, как вы наверняка помните, миссис Мэри Смит, приятельница моей юности, выгодно вышедшая замуж за доктора Уильяма Смита, заявила, что именно ревность жен толкает на измены мужей, и потому вопрос не стоит обсуждения.

Миссис Смит присутствовала и на вчерашней дискуссии, и незначительность ее вклада в оную ясно показала, что ее интеллект с тех пор нисколько не развился. Она унизила меня перед своими безмозглыми спутницами и разиней-муженьком, во всеуслышанье отметив ваше отсутствие. Мало этого, затем она с фальшивым сочувствием сказала, что темы, подобные сегодняшней, способны обсуждать прилюдно только пары, чей брак прочен.

Мне до сих пор больно от этого унижения и от того, что вы нарушили свое обещание. Надеюсь видеть вас сегодня вечером в театре.

*Ваша жена
Элизабет.*

*Бери-стрит, 27, Лондон
13 мая 1788 г.*

Дорогая Элизабет!

Когда муж с женой вынуждены проводить столь много времени порознь, это и впрямь может сказываться на браке не самым лучшим образом. Я искренне сожалею о том, что не смог быть с вами в Школе красноречия, как уговорились, поскольку прекрасно знаю, как цените вы любую возможность показать свое превосходное образование. Но мое отсутствие дома в последние несколько дней было неизбежным: все это время я неотступно добивался для

нас ангажемент на летний сезон, в чем, благодарение Господу, преуспел. Не могу пока что поделиться с вами всеми подробностями, но, вероятнее всего, ближайшие несколько месяцев, а может, и больше, мы с вами проведем в Маргитском королевском театре. Надеюсь, новость эта хоть немного смягчит ваше сердце. А мой дальнейший рассказ о том, какое бесчестье постигло миссис Смит вечером после той дискуссии в Школе красноречия, быть может, даже заставит вас улыбнуться.

Она направлялась на дружеское гуляние к своей подруге, и, по ее словам, на Флит-стрит к ней привязался вульгарного вида человек в синем пальто и шляпе-треуголке – среднего роста, с узкой разбойничьей физиономией и неопределимо уродливыми ногами. Особенно странным ей показался голос – весьма высокий и дрожащий, – которым он отпускал возмутительные замечания на ее счет. Миссис Смит сделала вид, что не обращает на него внимания, и ускорила шаг. Но озорник проследовал за ней до самого дома на Джонсонс-корт, куда она направлялась. Там она отчаянно заколотила в дверь, а преследователь вскочил на крыльцо рядом с ней, полоснул ее ножом под левой грудью, а затем – по левому бедру. Прodelав все это с отменным хладнокровием, негодяй злобно наблюдал, как миссис Смит без чувств оседает наземь, и пустился прочь лишь после того, как дверь наконец-то открылась.

Друзья миссис Смит помогли ей пройти внутрь. Рана на ее бедре оказалась пустяковой, так что кровь удалось остановить при помощи бальзама. Корсет защитил грудь миссис Смит, но платье было безнадежно испорчено оружием негодяя – по ее словам, ланцетом или перочинным ножом. Испорченное платье особенно опечалило миссис Смит, так как, если верить ее словам, было очень дорогим «полонезом» из привозного хлопка, расписанного вручную. Она требовала немедленно догнать и арестовать мерзавца, изуродовавшего ее туалет и задницу (наверняка – именно в таком порядке), однако подруги упростили ее не поднимать шума ради ее же собственной репутации. Однако странно, что впоследствии они же обсуждали сие происшествие вполне открыто. Добрый доктор Смит встревожен состоянием хрупких нервов супруги и, будучи человеком осторожным, хочет собрать побольше информации, прежде чем обвинять в этом нападении кого-либо определенного. С большим интересом буду наблюдать за его расследованием.

Кроме того, вы интересовались моим мнением относительно брака – должен ли он непременно быть либо высшим счастьем либо горчайшим горем. Похоже, что я не принадлежу к «людям толпы», так как не нахожу в крайностях ничего дурного – напротив, я полагаю, что именно крайности придают жизни остроту. Нам, творениям театра, разнообразие сильных чувств и острых ощущений только на пользу – как бы мы могли играть без них наши роли? Думаю, вы, моя дорогая, прекрасно понимаете это.

Ваш Генри.

Бери-стрит, 27, Лондон

26 мая 1788 г.

Дорогой Генри!

Слышали ли вы? Вчера подверглась нападению не одна женщина, а две! И обе – примерно в одно и то же время, что совершенно сбивает с толку. Вероятнее всего, здесь замешаны уже два злодея, и один из этих негодников подражает другому. Интересно, из каких побуждений – от восхищения проделками первого или в силу собственной эксцентричности?

Из этих двух жертв мне лучше всего знакома миссис Чиппендейл, горничная виконтессы Молден. К тому же, она доводится сестрой певицы миссис Дэйвнетт, она-то и познакомила нас однажды в театре. Должна заметить, эта миссис Чиппендейл отличается весьма спесивым нравом: она уверена, что положение ее хозяйки выгодно оттеняет и ее собственную репутацию. Да, положение миссис Чиппендейл требует знания тончайших нюансов этикета, однако ей отнюдь не помешали бы еще несколько уроков хороших манер.

У миссис Дэйвнетт с миссис Чиппендейл в обычае навещать по воскресеньям свою престарелую мать, но по окончании визита они прекращают демонстрировать сестринскую привязанность и идут каждая своей дорогой. Так было и на этот раз. Вскоре после того, как они расстались, миссис Чиппендейл столкнулась с каким-то негодником, объявившим, что ее платье настолько вызывающе, что явно принадлежит леди с дурной репутацией. А одежда она была в кричаще яркий туалет – розовый шелк с орнаментом из пурпурных розанчиков между пурпурными полосами, пурпурные розы, вышитые вокруг декольте, и целые водопады рюшей на манжетах. Прекрасный весенний ансамбль для юной девицы, вышедшей на полуденную прогулку с поклонником, но не для женщины таких лет, в одиночестве и на закате дня. Разбойник напал на нее на Сент-Джеймс-плейс и вначале сделал ей несколько сальных предложений (за достоверность чего я, впрочем, не поручусь). Затем он вынул нож и одним махом располосовал розовый шелк платья, обнажив хлопчатобумажную нижнюю юбку. Еще один взмах ножом – и дорогой шелк разрезан вновь, на сей раз поперек ягодич миссис Чиппендейл, отчего и платье и ягодичи сильно пострадали. Возможно, миссис Чиппендейл проявит хоть немного щедрости и отдаст это платье сестре для сцены, раз уж в высшем обществе в нем теперь даже горничной не показаться?

О втором нападении мне известно куда меньше. По слухам, приблизительно в то же время, как миссис Чиппендейл встретила своего недруга, на Джермин-стрит привязались к некоей весьма симпатичной служанке. По ее словам, нападавший был высок, крепок и одет в офицерскую форму. Больше в ее рассказе не было ничего примечательного, кроме одного: разбойник будто бы восклицал: «Подчинись капитану Бельвилю!» и «Я вправе требовать любви!» Как нам с вами, а также любому, знакомому с пьесой миссис Брук «Розина», известно, на самом деле в тексте сказано: «Позволь мне удалиться, брат, и издали узнать, как я могу исправить те ошибки, к которым юный пыл с дурным примером вкупе привели. Вернусь я не иначе, как достойным признанья твоего! Достойным твоей, как брата, требовать любви!»

Согласитесь, цитата весьма к месту. Как и наш скорый переезд в Маргит. Скорее бы эти грубые выходки остались далеко позади!

*Ваша жена
Элизабет.*

Лондон, 2 июля 1840 г., четверг

Несмотря на ночные муки, мое первое утро в Лондоне началось вполне удовлетворительно. Обильный завтрак был подан в номер в девять часов, как я и просил, вместе с номером «Морнинг кроникл». Я просмотрел газету, попивая отличный английский чай и поедая сосиску, тост и яйцо, что благотворно повлияло на мое состояние.

На странице криминальной хроники нашлось несколько заметок, которые могли бы вдохновить меня на рассказ-другой. Меня заинтриговала история Эдварда Оксфорда, которого должны были судить за государственную измену в Олд-Бейли шестого июля. Он, восемнадцатилетний трактирный слуга, разрядил два пистолета в королеву Викторию, когда та ехала с принцем Альбертом в открытой коляске десятого июня – таким образом юноша протестовал против того, что страной правит женщина. А необыкновенная история преступника, отправленного в Новый Южный Уэльс за кражу трех льняных носовых платков, просто-таки поразила мое воображение. Недавно он вернулся в Англию богатым человеком и купил особняк недалеко от мест, где родился, к неудовольствию некоторых знатных особ. Никаких объяснений относительно неожиданной милости судьбы и его возвращения в родные места дано не было. Совершил ли он более прибыльное преступление? Или с ним подружилась удача, позволившая ему найти золото, или опалы, или другие ценные ископаемые? А может, он заключил сделку с дьяволом или какой-нибудь еще нечистью, населяющей пустыни этой далекой колонии? Я решил приберечь эту историю для дальнейшего изучения.

Пролистав остальные страницы газеты, я не нашел более ничего интересного, пока не добрался до раздела объявлений на последней странице.

Первого июля из Филадельфии в Ливерпуль прибыл пакетбот «Ариэль», имея на борту мистера Эдгара А. По, знаменитого американского автора и критика. Мистер По немедленно отправился поездом в Лондон, где остановился в «Аристократический гостинице Брауна». Во время своего пребывания он публично прочтет свои последние рассказы и лекцию об искусстве литературной критики. На этих страницах мы сообщим о месте и времени этого долгожданного литературного вечера.

Прочтя это, я исполнился признательности. Да, главным поводом моего путешествия была тайна шкатулки с письмами, но я стремился в Лондон, дом моего детства, еще по двум причинам. Я написал письмо автору, чьим произведением восхищался, когда рецензировал его для «Сазерн литерери мессенджер» и – совсем недавно – для «Бэртонс джентльменс мэгэзин», человеку, чей последний труд, «Николас Никльби», был самым лучшим, достойным наивысшей похвалы.

В его романах я почувствовал родственную душу и выразил надежду, что в распоряжке мистера Чарльза Диккенса найдется время для встречи со мной. К письму я приложил копию моего сборника «Гротески и арабески» и откровенно объяснил, что хотел найти издателя в Англии и счел бы себя навечно в долгу за помощь. Вдобавок, если бы представилась возможность устроить для лондонской публики публичные чтения моих рассказов или прочесть лекцию об искусстве композиции или о литературной критике, я с радостью сделал бы это. По объявлению в газете, которое, определенно, поместил мистер Диккенс, было ясно, что этот благородный человек помог мне весьма осторожно и деликатно. Теперь следовало ожидать от мистера Диккенса сообщения с подробностями о предстоящей лекции.

Допив чай, я встал из-за стола в воодушевлении. Теперь можно было написать ежедневное письмо Сисси, совершить прогулку в Грин-парк и вернуться задолго до одиннадцати,

чтобы подготовиться ко встрече с Дюпенем. Возможно, к этому времени меня уже будет ждать письмо от мистера Диккенса.

* * *

Прогулка в Грин-парке оживила меня, но по возвращении в гостиницу надежды на письмо от мистера Диккенса рухнули. Прихватив из номера письмо миссис Аллан, я направился к Дюпену. Когда мой друг открыл дверь, меня встретил упоительный аромат кофе.

– Я надеюсь, вы как следует отдохнули, По. Кофе здесь очень хорош – весьма бодрит. Налить вам чашечку?

– Да, пожалуйста. И вот письмо от миссис Аллан, как вы просили.

– Прекрасно.

Дюпен положил его поверх остальных писем, аккуратно сложенных на восьмиугольном столике рядом с ларцом. Мы уселись в кресла и несколько минут потягивали кофе. Дюпен молчал. Многие нашли бы его длительное задумчивое молчание нервирующим, но я успел привыкнуть к его эксцентричным манерам.

– Первый вопрос, на который вы хотели бы получить ответ: не являются ли письма подделкой, – наконец сказал он, неотрывно, словно зачарованный, глядя в чашку с кофе.

– Да, мне кажется, с этого и надо начать.

– Точнее, вы хотели бы знать, в самом ли деле упомянутые преступления совершены и подлинны ли подписи.

– Действительно. Все в этих письмах для меня загадка. В Филадельфии я предпринял некоторые изыскания, но не нашел ничего относящегося к делу. Вероятно, доискаться до правды можно только в Лондоне, где эти преступления предположительно и были совершены.

Дюпен кивнул.

– Как вы знаете, когда мы жили в Париже, я посвятил много времени изучению науки графологии по исследованию Камилло Бальдо, в коем он неопровержимо доказывает, что ни один человек не пишет тем же почерком, что и другой, и что по почерку можно с определенностью судить о характере и даже настроении.

– Ваши научные занятия очень интересны. Признаться, я и сам немного разбираюсь в этом.

– Очень хорошо. Я хотел бы провести эксперимент, если вы не против.

– Конечно, я совершенно не против, – ответил я.

Дюпен ушел в другую комнату, вскоре вернулся с переносным бюро и поставил его на стол передо мной. Это было весьма изящное изделие из черного дерева, инкрустированное пластинками из черепахового панциря и латуни. Он поднял верхнюю крышку. Под ней оказалось отделение из красного дерева, содержавшее почтовую бумагу, две чернильницы, песочницу, перья и другие письменные принадлежности. Передняя панель откидывалась, превращаясь в обитую кожей поверхность для письма. Дюпен положил на нее лист превосходной бумаги – плотной, но мягкой, с золотым обрезом.

– Сделайте одолжение: распишитесь, пожалуйста, здесь, как обычно расписываетесь, и поставьте сегодняшнее число.

Когда я закончил, он сказал:

– А теперь напишите, пожалуйста, имена Элизабет Арнольд и Генри Арнольд и год – тысяча семьсот восемьдесят восьмой.

Когда я выполнил и эту задачу, Дюпен положил рядом с надписями, только что мною сделанными, два письма из шкатулки и записку миссис Аллан и тщательно изучил все четыре листа.

– Интересный, очень интересный случай. Посмотрите на «Э» и «А» в вашей подписи. А теперь сравните их с «Э» и «А» в подписи Элизабет Арнольд.

Дюпен поднял обе страницы, приблизив одну к другой.

– Видите, как велико сходство между вашими буквами и теми, что написаны Элизабет Арнольд?

Я почувствовал, что краснею.

– Сэр, уж не хотите ли вы сказать, что это я – настоящий автор писем Элизабет Арнольд?

Моя растерянность откровенно позабавила Дюпена.

– Не спешите с выводами. Я всего лишь указываю на некоторое сходство стиля, – ответил он, указывая на написанные мной имена. – Здесь мы видим, что ваша рука сильно отличается от настоящих подписей. Кроме того, даже для неопытного глаза очевидно, что бумага этих писем гораздо старше, чем та, на которой написано ваше письмо ко мне.

– Но возраст бумаги не гарантирует подлинности писем, – возразил я.

– Не гарантирует, но давайте изучим письма более внимательно, – предложил Дюпен, демонстрируя мое письмо к нему. – Наука графология позволит нам узнать многое о характере автора по его или ее почерку. Бумага, на которой вы писали, отменного качества, печать красного цвета. Это свидетельствует о вкусе автора. Почерк очень разборчивый, пунктуация безупречна. Строчки исключительно ровные, интервал между ними везде одинаков. Никаких излишних украшательств – чувствуется обдуманная точность письма, сплав твердости и грации, присущих людям ученым.

Я хотел было протестовать против этой незаслуженной лести, но Дюпен лишь отмахнулся, призывая к молчанию.

– Теперь посмотрим на письмо Элизабет Арнольд. Бумага хорошая, печать маленькая, из зеленого воска, без оттиска. Здесь почерк совсем другой. Буквы крупные, отчетливые, выведены элегантно, но не вычурно. Ни единой помарки, и автор скрупулезно соблюдает отступы. Диакритика над «и кратким» представляет собой энергичный штрих, утончающийся к концу и изогнутый, словно хвост кометы. Но, хотя письмо написано неплохо поставленной рукой, строки неровны. Можно предположить, что писали в отчаянной спешке. Тон письма властный, но в то же время достаточно женственный. Явно чувствуется немалая сила и дух.

– А письмо Генри Арнольда?

– Совершенно другой характер. Письмо имеет оттенок нахальства и свидетельствует об уме без определенной цели, беспокойном и деятельном. Буквы жирные, большие, размашистые и часто искаженные в неуместной погоне за эффектом, но неразборчивыми их не назовешь. Много помарок; буквы, выходящие за края строки вверх или вниз, слишком длинны. Практически ни одна буква не написана одинаково дважды, наклон все время меняется. Слова то идут ровно, то клонятся вправо, то сползают в обратную сторону. Сила нажима тоже постоянно меняется – иногда линия легка и тонка, иногда излишне жирна. Не требуется большой фантазии, чтобы представить себе автора – человека неограниченных амбиций, часто подверженного сомнениям и депрессии, с более чем смутным идеалом прекрасного.

Памятуя о содержании писем, я не слишком удивился такому истолкованию.

– А теперь нам нужно рассмотреть записку миссис Аллан.

Дюпен взял сложенный листок и развернул его. Изучив его, он нахмурился.

– Вы говорите, эта записка была приложена к шкатулке с письмами?

– Да, именно так.

– Вы точно знаете, что ее написала миссис Аллан, или просто так полагаете?

– Естественно, я должен так полагать!

Дюпен нахмурился еще сильнее, поэтому я пояснил:

– Я ни разу не получал писем от папиной жены, так как она никогда не снисходила до того, чтобы ответить мне. По поводу наследства я общался с ее адвокатом.

Дюпен кивнул, на лице его отразилось удовлетворение.

– Но почему вы спрашиваете об этом? Вы подозреваете, что эта записка не от миссис Аллан?

– А вы?

Дюпен затянулся сигарой и посмотрел на меня так пристально, что я почувствовал себя словно в суде.

– Нет, с какой стати? Неужели почерк показывает, что его написал кто-то другой? И что он говорит о характере миссис Аллан? – быстро спросил я, пока Дюпен не прервал меня своим вопросом.

Он снова пробежал письмо глазами.

– Автор вложил много старания в это письмо. Буквы правильны, не забыто ни единое двоеточие над «Ё», пунктуация предельно точна, и во всем видно единообразие. Это означает методический твердый характер и постоянство в стремлениях. Во всем чувствуется властность, а штрихи, выступающие вверх и вниз, заострены, что говорит о мстительности. Украшений немного – по-видимому, они заранее обдуманы и исполнены четко, как будто автор сознательно создавал для окружающего мира тщательно слепленную напоказ маску. Бумага очень хорошая, печать – золотая, что усиливает впечатление нарочитости. Почерк в целом выглядит приятно, но он не женский, в нем слишком много силы при отсутствии присущей женщинам утонченности.

– Должен сказать, что это очень точное описание миссис Аллан. Я поражен, насколько полно вы постигли ее характер с помощью такого короткого текста.

Дюпен слегка прищурился, но ничего не сказал, снова изучая каждое письмо, прежде чем положить его обратно на стол.

– Мы также должны подумать о сходстве элементов почерков – вашего и Элизабет Арнольд. Что нам может здесь открыться?

Дюпен вглядывался в мое лицо, как будто это был образец почерка на листе бумаги.

Мне ужасно захотелось избавиться от дальнейших вопросов.

– Простите, но мне внезапно стало дурно. Пожалуй, нужно лечь в постель или выйти на воздух.

Дюпен аккуратно выровнял лежавшую перед ним стопку писем.

– Я бы посоветовал свежий воздух, – сказал он. – Возможно, вам стоило бы навестить места, где вы часто бывали в юности, связанные с более счастливыми временами. Слишком часто люди оказываются в плену своих собственных черных мыслей, а слишком много размышлений в одиночестве ведет к безумию.

Волосы зашевелились у меня на голове от этих нелюбимых слов, но он продолжал, прежде чем я успел что-либо сказать:

– Ваше общество в Париже спасло меня от самого себя, По. Тогда я не хотел признаваться в этом даже самому себе, но сейчас – знаю. Уверен, вы позволите мне отплатить вам тем же. Тогда вы были откровенны со мной, и я надеюсь, впредь всегда окажете мне честь вашим чистосердечием.

Не придумав подходящего ответа, я просто кивнул.

– Сегодня мне есть над чем поразмыслить, – Дюпен чуть улыбнулся. – Не могли бы мы снова встретиться вечером, на свежую голову? Допустим, в восемь, в кофейне «Смирна» на Сент-Джеймс-стрит?

– Прекрасно. Спасибо вам, Дюпен.

Он пожал плечами, отмахнувшись от моей благодарности.

– Могу я пока оставить письма у себя? Мне хотелось бы изучить детали преступлений.

– Конечно.

Я покинул номер Дюпена, уже зная, куда сегодня лежит мой путь. Я собирался прогуляться в Блумсбери, где папа снимал жилье больше двадцати лет назад. Мне давно хотелось снова навестить те места.

* * *

Этим утром за стойкой стоял человек средних лет, безукоризненно одетый, но мрачный с виду. В мечтательности своей я полагал, что ноги сами принесут меня к дому моего детства, однако спросил у него дорогу и поинтересовался магазинами, где я мог бы приобрести какие-нибудь очаровательные безделушки для жены и тещи. Портые оказался левшой и, орудуя пером, неуклюже изгибал локоть, чтобы не размазать чернила по бумаге, но весьма изящно вычертил для меня план и отметил на нем нескольких торговцев дамскими украшениями.

Я вышел из «Аристократической гостиницы Брауна» с планом в руках, опираясь на зонтик, как на трость, и пошел по Довер-стрит на Пикадилли и далее – через Берлингтонский пассаж, где обнаружился целый ряд прекрасных лавок. Особенно пленили меня витрины, изобретательно демонстрирующие достоинства продаваемого товара. У шляпника, например, в витрине стояли весы со шляпой на них, показывавшие, сколь она легка, и стеклянный шар с водой, внутри которого находилась еще одна шляпа, чтобы покупатели могли оценить ее чудесную водостойкость. Но на Оксфорд-стрит я увидел витрину, от которой у меня захватило дух. Разновозрастная компания – три джентльмена, четыре леди и трое детей, – одетые в элегантное траурное платье, торжественно стояли перед богато убранном гробом, украшенным венком из фарфоровых лилий. Иллюзия этой *tableau vivant*⁷ рассеялась лишь с появлением меж восковых фигур оформителя, принявшегося поправлять их похоронное облачение – черные лайковые перчатки, скромные шляпы, ожерелья из черного агата. Я поспешил уйти, чтобы избавиться от охватившего меня уныния. Присмотреть подарки можно было и по пути обратно в гостиницу.

Мое настроение улучшилось, когда я подошел к Хай-Холборн. Здесь было весьма оживленно: угольщики катили тачки с углем, девушки несли на головах корзины с овощами и зеленью на продажу, мужчины спешили к месту работы, женщины покупали нужное по хозяйству в лавках. Молочница с коромыслом на плечах кричала: «Молоко!» каждому, кто попадался ей на пути, без всякой системы и тем более – успеха в продаже своего товара. Отчетливый стук копыт по булыжнику смешивался с грохотом колес, и крики извозчиков усиливали суматоху и без того оживленной улицы. По мостовой расхаживали два человека с лопатами, собиравшие навоз, оставляемый в огромных количествах упряжными лошадьми. На тротуарах и перед магазинами была разбросана солома, впитывающая последствия ночного дождя, грязь и прочие менее приятные субстанции, но она не смягчала едкую, точно от тухлого мяса, вонь, а лишь усиливала ее до последней степени. Вскоре я пожалел, что не смочил свой носовой платок кельнской водой.

Свернув на Саутгэмптон-роу, я быстро нашел номер сорок семь. Это был наш первый дом в Лондоне, довольно уютное место, где я провел несколько приятных месяцев с мамой и ее сестрой Нэнси, пока меня не отправили в закрытую школу в Челси. Дом выглядел довольно опрятно, но ничем не выделялся среди прочих – обычный кирпичный фасад, как и у соседних домов. Мне помнилась гораздо более впечатляющая архитектура, но юность обычно преувеличивает масштаб явлений. Захотелось постучаться и спросить, нельзя ли осмотреть дом, но я решил не поддаваться глупой прихоти. Вместо этого я вернулся к дому под номером 39 – довольно большому особняку, который папа снимал в течение нашего последнего года в Лондоне. Хотя это было более комфортабельное жилье, мало радости выпало мне во время моего короткого пребывания в его стенах из-за несчастья с моей дорогой мамой... Тут, точно в знак

⁷ Живой картины (*фр.*).

сочувствия к моим воспоминаниям, начал накрапывать дождь, и я раскрыл зонтик. Как ни соблазнительна была мысль о возвращении в тихий уютный номер «Аристократической гостиницы Брауна», вначале я решил навестить Рассел-сквер – парк, где часто бывал с тетей Нэнси. Она присматривала за мной, когда я возвращался домой из школы на каникулы или выходные, и, как и я, в хорошую погоду всегда стремилась покинуть пределы нашего дома в Блумсбери.

Выйдя на Рассел-сквер, я вошел в парк через вход, возле которого стояла любопытная статуя, очаровывавшая меня в детстве. Фрэнсис Рассел, пятый герцог Бедфордский, положил одну руку на плуг, а в другой сжимал початки кукурузы. Внизу, на пьедестале, была изображена овца в компании четырех херувимов, символизирующих времена года и совершенно раздетых, за исключением тепло укутанной Зимы. Статуя запомнилась мне поэтической, проникнутой самым духом земледелия, но теперь я нашел ее аляповатой и даже немного отталкивающей. Продолжая свои исследования, я прошел вдоль подковообразной дорожки под липами и, к немалому своему удовольствию, обнаружил, что Рассел-сквер все тот же, что запомнился мне, – тщательно спланирован и густо усажен прелестными цветами и кустарником. Нет, не совсем как английские сады, которыми так восхищалась моя мама, но выглядел он благородно и приятно для глаз. Правда, из-за непогоды в парке не было тех красивых, хорошо одетых леди, которые прогуливались по дорожкам, когда я был маленьким, отчего это место оказалось не столь живописным.

Я решил отдохнуть на скамейке в крытой беседке, увитой плющом, но обнаружил внутри оборванку с ребенком, закутанным в платок. При виде этого зрелища меня охватил необъяснимый ужас. Страхнув нервозность, я поставил зонтик и хотел достать кошелек, чтобы дать бедной женщине несколько монет для ее ребенка. Внезапно голова моя взорвалась болью, земля накренилась, и я провалился в полное безмолвие.

* * *

Сколько прошло времени, прежде чем я пришел в себя? Я не мог определить это даже приблизительно. Когда мир вновь возник передо мной из мрака, я увидел смотрящие на меня голубые глаза и почувствовал щекой сырую землю. Голова болезненно пульсировала. Кто-то потянул меня за сюртук и запустил руку в карман моих брюк. Что за издевательство? Я брыкнул ногой и услышал вскрик. Когда я с трудом принял вертикальное положение, рядом со мной на земле сидел маленький мальчишка. Его мать, явно в испуге, энергично удалялась прочь по дорожке. Услышав позади чей-то топот, я оглянулся и увидел ее сообщницу, удирающую в противоположном направлении. Еще одна женщина! Маленькая и быстроногая вероломная воришка скрылась. Схватившись за грудь, я обнаружил, что медальон все еще при мне. Не было лишь кошелька, содержимое которого я хотел отдать женщине с ребенком, но получил в награду за свои благие намерения головную боль и чувство глубокой обиды.

– Ступай к матери, – сказал я маленькому созданию. – Иди прочь, да поживее, не то поколочу!

С этими словами я пригрозил мальчишке зонтиком, и он удрал так быстро, как только позволяли его худые башмаки.

Я поднялся на ноги. Неприятные ощущения от мокрой одежды и дополнительные неудобства от пульсирующей боли в голове окончательно привели меня в чувство. Пока я, как мог, чистился носовым платком, я обнаружил крайне странную вещь – в петлицу моего сюртука была воткнута бутоньерка из фиалок, сделанных из пурпурного и зеленого бархата так искусно, что на первый взгляд они казались живыми. Я совершенно точно помнил, что ничего подобного у меня раньше не было, и единственное объяснение загадочного появления бутоньерки состояло в том, что нападавшие прицепили ее к моему сюртуку.

Эта мысль вызвала во мне такое отвращение, что я выбросил бутоньерку, словно в ней затаилась ползучая зараза. Меня охватили дурные предчувствия, и, как я ни пытался забыть об одичавших нищенках, они преследовали меня всю дорогу к гостинице. В них было нечто очень знакомое. Я вспоминал нападение опять и опять, торопливо шагая по лондонским улицам, – мой ум был как ящик со многими запертыми отделениями, а секреты внутри них обнаруживаются, если подобрать правильный ключ. Я был полон решимости отыскать этот ключ. Фиалковая бутоньерка бередила память, пока я не вспомнил, при каких обстоятельствах впервые столкнулся с этими невинными с виду бархатными цветами.

* * *

– Ты получишь отличное образование, мой мальчик, это я тебе обещаю. И мы будем тобой гордиться, правда, Эдди?

– Я постараюсь, папа.

Это был день собеседования для поступления в закрытую школу Дюбур в Челси. Школой заведовали две сестры – две мисс Дюбур, – их брат был счетоводом в компании моего отца. Собеседование с двумя леди прошло прекрасно. Обе они объявили меня «восхитительным ребенком», поэтому папа решил повести маму, тетю Нэнси и меня на праздничный ленч куда-нибудь неподалеку. Едва отойдя от школы, мы наткнулись на странную личность – изможденного оборванного человека, у которого на голове было несколько шляп и, похоже, вся его одежда была тоже на нем, а поверх всего – рваный военный мундир. Одной руки у него не было, а длинная борода совсем пожелтела – от адского серного дыма, как мне тогда показалось. Перед ним стоял замечательный деревянный кораблик, а рядом лежала старая шляпа. Проходя мимо, тетя Нэнси поспешно бросила в нее несколько мелких монеток.

– Вы купили мне кораблик? – в восхищении закричал я.

Тетя густо покраснела.

– Ч-шшш, – прошептала она, схватила меня за руку и ловко повела прочь.

В конце концов я вывернулся из ее хватки и встал перед ней.

– Почему вы заплатили за кораблик, но так и оставили его там стоять?

– Я не платила ему за кораблик, Эдди. Я дала ему немного денег на еду.

– Зачем давать ему деньги? Он же взрослый!

– Это называется филантропия, – сказала мама. – Мы должны быть милосердны к страждущим. А этот человек сражался за свою родину и потерял руку в бою.

Говоря все это, она тревожно косилась на папу и была в полнейшем смятении.

– И он вполне это заслужил, – отозвался папа. – Он ведь воевал против нас.

Я был слегка озадачен.

– Но откуда ты знаешь? Ведь мы с ним не говорили.

Тетя Нэнси раздраженно вздохнула:

– Как много вопросов! С ума сойти можно.

– Ну расскажите же!

Я взял ее за руку, и маму тоже, и улыбнулся обоим.

– Нам не нужно было с ним говорить, чтобы узнать его историю, – объяснил папа. – Его деревянный кораблик говорит о том, что он был моряком, а рваный мундир с пустым рукавом означает, что он участвовал в битвах. Однорукий моряк в военном флоте ни к чему, поэтому ему приходится искать другие средства к существованию либо просить милостыню.

Война – жестокая вещь, Эдди, особенно война против братского народа. Надеюсь, ты никогда ее не увидишь.

Я кивнул, хотя сам надеялся как раз на обратное. Война представлялась мне замечательным приключением, особенно битвы на море со свистящими вокруг ядрами, пылающими

парусами пиратских кораблей и сокровищами, тонущими в море. И тут передо мной открылась поразительная картина. Возле какого-то мрачного здания мы увидели толпу людей в мундирах – морских и армейских. Мундиры их были потрепаны, и сами их хозяева пребывали в состоянии не менее плачевном – у большинства не было руки или ноги. Пока я глядел на военных, в голове моей возникла пугающая мысль.

– Папа! Снова будет война? Они опять пойдут с нами воевать?!

У меня не было никаких воспоминаний о войне 1812 года, но я слышал, как мой приемный отец горячо обсуждал ее влияние на бизнес.

Папа от души рассмеялся.

– Если эти снова придут к нам с войной, сражение выйдет недолгим!

Я кивнул, сделав вид, что все понял, но заметил, как мама недовольно нахмурилась.

– Перестань же, Джон, – сказала она, схватив меня за руку. – Это Королевский военный госпиталь, а эти несчастные были тяжело ранены в войну. Они многим пожертвовали для своей страны, и пришли сюда получить пенсию за свою службу.

Этого я не понял.

– Но ведь за жертвы не платят. Жертвы приносят добровольно.

Мама нахмурилась еще больше, а папа взревел от смеха, что повергло меня в замешательство, так как я надеялся поразить их обоих своей не по годам обширной эрудицией.

– Мальчик вырастет отличным бизнесменом, это точно! Образование, несомненно, пойдет ему на пользу!

Он хлопнул себя по бедрам и снова рассмеялся.

Мне было приятно, что отец мной гордится, и я таращился на оборванцев, совершенно не представляя себе, сколь плачевно их положение в жизни. Позже, поселившись в школе Дюбур, я привык к виду попрошайек – мужчин и женщин – на улицах Челси и даже начал узнавать некоторых, сидевших изо дня в день на одном и том же месте со своими историями, написанными на выставленных перед ними картонках или нацарапанными мелом прямо на мостовой. Особенно отметил я одну женщину, сидевшую каждый день недалеко от школы, с корзинкой бутоньерок из искусственных цветов и протянутой для милостыни рукой. Иногда при ней был младенец, завернутый в платок, а порой на ее коленях сидел ребенок постарше. Запомнилась она мне оттого, что я не мог вообразить, как женщина могла служить в солдатах, а потом превратиться в нищенку, и совершенно не понимал, что же символизируют эти цветы, кроме, может быть, памяти павших на поле боя. Со стыдом вспоминал я теперь, как презирал этих несчастных, вслед за своим предприимчивым папой полагая их негодьями и бездельниками.

В конце концов судьба наказала меня за спесь. Был канун Рождества, я был возбужден и очень рад вернуться домой. Чтобы дать маме передышку, тете Нэнси велели отвести меня в игрушечную лавку «Ноев ковчег» в Хай-Холборн. Мы замечательно провели время и возвращались домой, на Саутгэмптон-роу, уже в потемках. Подходя к дому, я заметил фигуру, скрючившуюся у входа, и рядом с ней корзинку с искусственными цветами – это была та самая нищенка, которая часто сидела недалеко от школы. В руках она держала изящную бутоньерку из искусственных фиалок.

– Эй, милый. Поди сюда, возьми одну для мамы. Скоро Рождество!

Я посмотрел на тетю, но она была занята разговором с каким-то человеком – тот, видимо, спрашивал дорогу. Женщина тепло улыбнулась мне. Она была гораздо старше мамы, по возрасту ближе к папиной матери.

– Приколет она ее на платье или в волосы и будет выглядеть чудесно!

Я решил, что бутоньерка будет хорошим подарком для мамы – она была красивая и выглядела бы на ней очень хорошо.

– Сколько я должен заплатить? – спросил я.

– Как тебя зовут, сынок? – спросила она в ответ.

– Эдди.

Она кивнула.

– Мне говорили, что твоя мама – великая актриса, Эдди.

Комплимент возымел на меня желаемое действие.

– Да. Но она умерла, когда я был совсем маленький.

Она улыбнулась.

– Но ты-то жив, и твоя новая семья, должно быть, очень богата.

Я согласно кивнул и добавил:

– Но мне не дают много карманных денег, и я надеюсь, что бутоньерка не очень дорогая.

Нищенка рассмеялась.

– Конечно нет! Для тебя – совсем недорого.

Она подала мне букетик пурпурных бархатных фиалок, и тут к нам подошла тетя Нэнси.

– Это для мамы, – гордо сказал я. – Подарок на Рождество.

Тетя нахмурилась, но мое восхищение помешало ей заставить меня отдать бутоньерку обратно.

– Сколько? – спросила она нищенку.

– Пенни, – перебила нищенка прежде, чем я вмешался. – Нигде в Лондоне вы не найдете бутоньерок лучше.

Тетя Нэнси вздохнула и выудила монетку из кошелька, а после затащила меня в дом.

Позже на той же неделе тете Нэнси велели отвести меня в Рассел-сквер, и там я заставил ее играть со мной в мяч, пока она совсем не измучилась. Она отошла купить нам жареных каштанов у разносчика, стоявшего с лотком в полусотне ярдов от нас. Я же продолжал игру, подбрасывая мяч как можно выше и тут же пускаясь бегом, чтобы поймать его. Вдруг я заметил, что к тете подошел какой-то малыш и подергал ее за платье. Я нашел это бесцеремонным и был еще сильнее возмущен, увидев, как тетя дала ему пакетик каштанов. Но я не успел выразить свое детское возмущение вслух – земля вдруг исчезла у меня из-под ног, и я обнаружил, что меня быстро тащит через парк какой-то бродяга, лица которого я не мог видеть. Рот мне заткнули грязным носовым платком, не дававшим кричать от злости и страха. Я ничего не видел, кроме мелькавшей земли под ногами моего похитителя, обутыми в разбитые грязные башмаки из коричневой кожи – мужские башмаки на женщине с ногами, как у пахотной лошади. От ее заплатанного платья тоже воняло, словно от лошади – пот, месяцами пропитывавший его, пах, точно испарения от навозной кучи в жаркий день. Таша меня прочь, женщина хрипела от натуги. Первоначальное потрясение начало проходить, и я забился в ее необычно сильных руках.

– Тихо, щенок, – скомандовала она, но я брыкался и извивался, словно пойманная рыба, пока наконец мы оба не шлепнулись на землю.

Я вскочил на ноги, выплюнул изо рта гадкий платок и бросился назад – напрямиком в объятия тети Нэнси.

– Держи ее! – завопила она, видя, что нищенка и ребенок бегут к выходу. – Держи!

Но нищенка и ребенок избежали поимки. Я прильнул к Нэнси, обессиленный пережитым. Она была очень бледна, и я чувствовал, как она дрожит.

– Ты не должен говорить родителям об этом, – сказала тетя. – Мама ужасно расстроится.

Однако дома мои страхи рассеялись, и, не удержавшись, я похвастался своей смелостью в противоборстве с похитительницей. Впрочем, мой рассказ возымел совсем не тот эффект, на какой я рассчитывал: мама упала в обморок, а тетя Нэнси тут же разрыдалась.

– Это была та самая нищенка, что сидела у наших дверей всю неделю, – всхлинула она.

– И около школы еще до Рождества, – добавил я.

Все трое молча уставились на меня.

– Около школы? Ты совершенно уверен? – строго спросил папа.

Я кивнул.

– Она там продавала цветы почти каждый день.

Мама опять начала плакать, и я очень быстро пожалел, что не послушался тетю.

– Ступай в свою комнату, Эдди, – распорядился папа.

– Но, папа, я же не виноват!

– Сейчас же, – неумолимо прибавил он.

День или два прошли в приглушенных разговорах и слезах. Порешили на том, что сразу после вакаций я отправлюсь в другую школу, за городом.

– Там ты будешь в безопасности от этой черни, – прошептала мама, целуя меня в лоб. – Я не перенесу, если с тобой случится что-нибудь плохое, милый мой.

– Я тоже, если что-то случится с тобой, – шепнул я в ответ.

Вскоре меня отослали от моей дорогой мамы, чтобы ни одна гнусная торговка цветами в Лондоне не могла угрожать мне.

Куперз-Армз, Роуз-стрит, Ковент-Гарден

12 апреля 1784 г.

Роза моя, маргаритка моя, моя колумбина!

Глядя на каждый цветок, я о вас лишь одной вспоминаю!⁸ И думаю: отчего же прислал я вам незабудки, чтоб вы не забыли меня? И розмарин – для памяти⁹. Молю, любимая! Иль ты меня забыла? Да если б я попробовал открыть все, что таится в сердце, я ходил бы с душою нараспашку, и глупцы ее бы мне в два счета расклевали, а от вас нет ни словечка с самого четверга. Ужель я только тень, комедиант, паясничавший полчаса на сцене и тут же позабытый?¹⁰ Ужель я вами больше не любим?

Под рукою вашего отца мы – все равно что под злосчастной звездой, как сказано в «Ромео и Джульетте»¹¹. Суббота – вот день, чтоб взять свою судьбу в собственные руки. Посему готовьтесь радостно к уходу: идем мы не в изгнание – на свободу!¹² Отец ваш вас простит, когда вы вернетесь в законном браке со мной. Какой отец откажет в счастье своей единственной дочери?

В ожидании вашего ответа и поцелуя,

Генри.

Аппер-Брук-стрит, 20, Мейфэр

13 апреля 1784 г.

Генри, милый!

Как я могла забыть вас? Неужели вы считаете меня столь непостоянной? Мое сердце принадлежит лишь вам одному. Только, пожалуйста, не вспоминайте Джульетту, Дездемону и Офелию, думая обо мне! Умоляю, держитесь лишь одной из пьес Барда – о любви и со счастливым концом. Что вы скажете о «Сне в Иванову ночь»? Сюжет ее отражает нашу историю, точно зеркало. Воистину: нередко я читал и слышал предания об истинной любви: она нигде не протекала мирно¹³.

⁸ Имеется в виду расхожая поговорка: «Если бы при каждой мысли о тебе у меня появлялся цветок, я провел бы всю жизнь в саду».

⁹ Вольная цитата из монолога Офелии (Шекспир У. Гамлет. Перевод Б.Л. Пастернака).

¹⁰ Вольная цитата из монолога Макбета (Шекспир У. Макбет. Перевод Ю.Б. Корнеева).

¹¹ «Из чресл враждебных, под звездой злосчастной, Любовников чета произошла» (Шекспир У. Ромео и Джульетта. Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник).

¹² Шекспир У. Как вам это понравится. Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник.

¹³ Шекспир У. Сон в Иванову ночь. Перевод М.М. Тумповской.

Последние несколько дней я пыталась убедить отца, что я в свои шестнадцать уже не дитя – которое он, к тому же, намерен выдать замуж за мужчину двадцатью годами старше, уже похоронившего первую жену. Брак должен заключаться по любви, однако отец наверняка прибеж бы к закону афинскому¹⁴, будь у него такая возможность. Его совершенно не заботит то, что я не испытываю к этому банкиру никаких чувств. Он печется лишь о деньгах и положении – и угрожает за непокорность его воле лишит меня и того и другого.

Будет ли любовь ваша прежней, когда вы останетесь всем, что есть у меня во всем свете? Жду вашего письма.

*Ваша
Элизабет.*

*Куперз-Армз,
Роуз-стрит, Ковент-Гарден
14 апреля 1784 г.
Любовь моя!*

Нет, одной пьесы совершенно недостаточно, чтобы раскрыть перед вами мои помыслы. И если бы, чтоб убедить вас стать моей, пришлось мне обокрасть Шекспира до последней строчки, я сделал бы это не задумываясь!

Не верь, что солнце ясно, что звезды – рой огней, что правда лгать не властна, но верь любви моей!¹⁵ Да, отец ваш в самом деле мог бы найти вам супруга много лучшего, если счастье в браке – это прибыль¹⁶. Но кто кошелек украл – украл пустяк: он служит мне, тебе, служил он многим. Но кто похитит честь у человека – последним нищим сделает его, не став при этом ни на грош богаче¹⁷. Да, я не богат, но – не все то золото, что блестит¹⁸. Любовь к вам – вот бесценный клад, сокровище моего сердца¹⁹. А если представить отца вашего в роли Эгея, то вы, выходит, Гермия, а я – Лизандр²⁰. (Согласно сюжету «Сна в Иванову ночь».) У меня есть бездетная тетушка, живущая в деревушке под названием Гретна-Грин²¹. Позвольте, я отвезу вас навестить ее. Со временем отец ваш простит нас. Не может же родной отец навсегда отречься от единственной дочери!

*Ваш и только ваш
Генри.*

¹⁴ Еще один намек на «Сон в Иванову ночь»: «Вы, Гермия прекрасная, готовьтесь отцовской воле прихоть подчинить; не то присудит вас закон афинский (его же мы не властны изменить) к обету девственности или к смерти» (Перевод М.М. Тумповской).

¹⁵ Шекспир У. Гамлет. Перевод М.В. Лозинского.

¹⁶ Вольная цитата из пьесы Уильяма Шекспира «Укрощение строптивой». Перевод П.В. Мелковой.

¹⁷ Шекспир У. Отелло, венецианский мавр. Перевод Б.Н. Лейтина.

¹⁸ Шекспир У. Венецианский купец. Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник.

¹⁹ Вольная цитата из монолога Яго (Шекспир У. Отелло, венецианский мавр. Перевод Б.Н. Лейтина).

²⁰ Персонажи пьесы Уильяма Шекспира «Сон в Иванову ночь».

²¹ В 1753 г. в Англии и Уэльсе было ужесточено положение о браке. Согласно новому закону, предложенному лордом Хардвиком, пары младше 21 года могли венчаться только с согласия родителей или опекуна. Стало обязательным оглашать имена жениха и невесты в церкви или предварительно приобретать лицензию на брак, проводить церемонию в церкви в присутствии свидетелей. Эти ограничения не имели силы на территории Шотландии, где юноши и девушки могли вступать в брак, не спрашивая разрешения, соответственно с 14 лет и 12 лет. Для этого было достаточно в присутствии свидетеля назвать друг друга супругами. Поскольку деревня Гретна-Грин была первым населенным пунктом по ту сторону границы на дороге из Лондона в Шотландию, она на целых два столетия стала популярным местом, где несовершеннолетние влюбленные могли заключать брак в обход английского закона, и даже вошла в поговорку.

Лондон, 2 июля 1840 г., четверг

Было шесть часов, когда я прибыл обратно в гостиницу. Портье приветствовал меня неизменной улыбкой, несмотря на мой плачевный вид. Он вежливо кивнул в ответ на просьбу приготовить мне горячую ванну и достал из-под стойки небольшой пакет.

– Получено вскоре после вашего ухода, сэр.

Мое сердце подпрыгнуло в предвкушении – письмо от мистера Диккенса! Но, приглядевшись, я усомнился, так как пакет, очевидно, был слишком велик для одного письма. Быть может, мистер Диккенс почтил меня своей книгой? В конце концов, я послал ему полное собрание своих новелл! Или, может быть, он вернул мне мой сборник с достаточно жесткими отзывами? В растрепанных чувствах я унес пакет к себе в номер.

Здесь обнаружилось, что письма вовсе не от мистера Диккенса. Правду сказать, личность отправителя осталась загадкой, поскольку никакой записки к пакету не прилагалось, и тем более пугающим показалось мне его содержимое. Внутри было четырнадцать старых писем, поделенных на две стопки, и каждая была перевязана зеленой, с виду совершенно новой лентой. Я развязал первую пачку из трех писем и мгновенно узнал почерки Элизабет и Генри Арнольд. Письма были датированы 1784 годом – старше, чем те, что у меня уже имелись. Едва начав читать, я остолбенел от изумления. Покончив с этими тремя письмами, я развязал ленту, стягивавшую вторую стопку, и взглянул на первые несколько страниц. Ими оказались весьма странная валентинка и два письма с описанием еще одного нападения. Мне сделалось дурно. Зрение помутилось так, что я едва различал строки третьего письма. От ступора я очнулся лишь благодаря стуку в дверь и голосу горничной, сообщившей, что ванна готова. Я поблагодарил девушку за своевременное появление и поспешил в ванную комнату, с облегчением удалившись от грязных историй, которые могли содержаться в остальных письмах.

Но, когда я погрузился в горячую воду, смятение вновь затуманило мой ум. Если автором этой ужасной мистификации вправду является миссис Аллан, вдова моего приемного отца, как она может знать, что я в Лондоне и остановился в «Аристократической гостинице Брауна»? Кровоподтеки, полученные мной во время нападения, болезненно заныли, и я погрузился глубже в ванну, но почувствовал, как моих ребер снова коснулся носок башмака. На меня упала тень, я с ужасом увидел лицо склонившегося надо мной уличного постреленка и почувствовал чьи-то руки, давящие на грудь. Голова погрузилась под воду, вода попала в рот, и я отчаянно забился. Мне удалось принять сидячее положение; тяжелое дыхание отдавалось эхом от облицованных плиткой стен ванной комнаты, и я сидел в ванне, скорчившись, сжавшись от страха, пока остывшая вода не привела меня в себя. Я понял, что, если не потороплюсь, то опоздаю на встречу с Дюпеном, и это породит новые вопросы, на которые мне совершенно не хотелось отвечать.

* * *

Менее получаса спустя мы с Дюпеном сидели в кофейне «Смирна» у витрины, выходящей на Сент-Джеймс-стрит. Взгляд мой был устремлен на окружающий мир, но ум занимало лишь то, что случилось со мной за этот день. Однако я ничего не сказал Дюпену – сам не знаю почему. Вместо этого я ждал, когда он изложит выводы, к которым пришел при дальнейшем изучении писем. Дюпен же курил сигару, и было непонятно, смотрит ли он в окно или взгляд его отвлечен клубящимся дымом. С тех пор как мы поздоровались, он не сказал ни слова. Такое поведение не было чем-то необычным: если Дюпену не хотелось говорить, он попросту мол-

чал, мало заботясь о принятых в обществе приличиях, но на этот раз что-то было не так. Его молчание не было ни дружеским, ни отвлеченным – в нем чувствовался оттенок враждебности.

Чтобы отвлечься от настроений Дюпена и собственных страхов, я попытался сосредоточиться на людях, толкавшихся снаружи. Там были женщины всех видов: прекрасные весенней красотой; немолодые, но молодящиеся – густо накрашенные и увешанные драгоценностями; были и вовсе девочки, одетые не по возрасту, кокетливые и лукавые. По улице прогуливались уверенные в себе солидные мужчины и пьяницы в видавшей виды одежде, двигавшиеся нетвердой походкой. Все профессии смешались здесь – от искусного ремесленника до простого рабочего.

– Если вы достаточно внимательны, легко заметить, как толпа делится на разные кланы, – заговорил Дюпен, нарушив, наконец, молчание и указывая кончиком сигары на группку, ввалившуюся в кофейню. – Клерки, – пояснил он. – Низшего разбора.

Я изучил молодых джентльменов в тесных сюртуках, начищенных до блеска ботинках и с сильно напомаженными волосами. В эту игру мы часто играли в Париже – Дюпен высказывал загадочное наблюдение, а я пытался отгадать, какой дедуктивный процесс привел его к этому заключению – неизбежно оказывавшемуся верным.

– А вот эти, – продолжил Дюпен, – старшие клерки, служащие в солидных фирмах.

Те, кого Дюпен заклеил младшими клерками, имели надменные манеры, а одежда их была писком моды полтора года назад. Старшие клерки были одеты менее броско: удобно скроенные коричневые или черные панталоны, белые галстуки, жилеты и солидная обувь.

– Я вижу разницу в платье этих людей, одни одеты слишком кричаще, а другие гораздо скромнее и солиднее, но не могу догадаться, почему вы назвали их клерками.

Дюпен выпустил клуб дыма, добавив налета на оконное стекло, и указал пальцем на старших клерков.

– Все эти люди слегка лысоваты. Их строгую одежду мы уже отметили. Все они носят часы на коротких золотых цепочках. Вид, к которому они стремятся – это респектабельность.

Это было невозможно отрицать.

– Видите, как у них всех странно отогнуто правое ухо? – продолжал он.

– В самом деле...

– Это из-за привычки закладывать за него перо.

Теория Дюпена выглядела не хуже любой другой, объясняющей асимметрию ушей клерков.

Дюпен меж тем показал на крикливо одетого человека с излишне честным лицом.

– А вон тот человек не принадлежит ни к тем, ни к другим. Ему куда привычнее работать в одиночку. Взгляните, как широки его манжеты.

– Карманник?

– Совершенно верно. Он быстро определяет род занятий и темперамент жертвы и с первого взгляда понимает, стоит ли игра свеч.

В этот момент нам подали две большие миски мясной похлебки и хлеб. От его аромата у меня подвело живот, и я набросился на свой обед с неприличной поспешностью. Дюпен же, не торопясь, потушил сигару и приступил к еде с явной опаской. Некоторое время он перебирал содержимое миски ложкой, но пробовать не решался.

– Уверю вас, это блюдо вполне съедобно – я ведь ем и до сих пор жив.

Дюпен кивнул в ответ, вновь опустил ложку в миску, еще раз пристально пригляделся к похлебке и, наконец, осторожно попробовал. На лице его немедленно отразилось сдержанное отвращение. Отодвинув миску, он сделал глоток вина и снова поднял взгляд на меня.

– Похоже, что Арнольды – не плод фантазии миссис Аллан, – сказал он, закуривая новую сигару. – Они действительно существовали. Я нашел доказательства их тайного бракосочетания.

При этих словах я поперхнулся.

– Но откуда вы это узнали? – пролепетал я, когда кашель унялся.

Меня охватила странная смесь чувств, возглавляемых негодованием. Неужели Дюпен читал письма из пакета, полученного мной сегодня? Не он ли сам и прислал их? Я глубоко вдохнул, чтобы успокоиться и изгнать прочь иррациональные подозрения.

Дюпен достал из кармана лист бумаги и придвинул его ко мне.

– Я нашел это объявление в «Морнинг Пост», просматривая коллекцию газет Берни в Британском музее, и взял на себя смелость сделать копию.

Я развернул лист и увидел мелкий четкий почерк Дюпена.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Мисс Элизабет Смит, шестнадцатилетняя дочь Уильяма Смита, в субботу семнадцатого апреля 1784 года сбежала из дома своего отца в Мэйфере с мистером Генри Арнольдом, двадцати трех лет, направившись в Гретна-Грин. Подробности таковы: семья Смитов планировала вечер развлечений в Воксхолл-гарденс, но мисс Смит внезапно сделалось дурно, и она осталась дома с прислуживающей ей горничной. Однако нездоровье мисс Смит оказалось хитрой уловкой, так как они с горничной незаметно выбрались из дома и были встречены мистером Арнольдом. Почтовая карета умчала их в ночь, и до утра ее исчезновение не было обнаружено. Мистер Смит весьма рассержен побегом своей дочери. Он был против свадьбы, так как мистер Арнольд, в прошлом – лакей, в настоящее время «служит при театре». Мистер Смит же нашел это занятие неподобающим для мужа своей дочери. Он запретил мисс Смит любые контакты с мистером Арнольдом, но упрямая и импульсивная юная леди продолжала встречаться с ним втайне. Вместе они задумали послушаться отца и бежать в Гретна-Грин. Говорят, что мистер Смит весьма уязвлен поступком дочери и навряд ли признает этот необдуманый брак.

Я почувствовал, что лицо мое запылало от внезапного прилива крови.

– Вы уверены, что оно подлинное?

– Вполне уверен, – спокойно ответил Дюпен. – У меня нет причин обманывать вас.

– Я говорил о другом.

Дюпен поднял брови. Ясно было, что он разглядел намек на недоверие на моем лице.

– Дюпен, простите, если я кажусь не в себе, но мои нервы совершенно расстроены.

Сегодня днем, когда я гулял по Рассел-сквер, на меня напали. Эти старые ведьмы оглушили меня и исчезли вместе с кошельком, который я собирался отдать им как милостыню.

– Печально слышать. К сожалению, нищие зачастую не ограничиваются милостыней.

– Но это было не простое ограбление. Произошло нечто очень странное...

Я сомневался, стоит ли говорить о бутоньерке, но Дюпен смотрел на меня с ожиданием.

– Похоже, грабители воткнули в петлицу моего сюртука бутоньерку из искусственных фиалок. Должен сказать, это тревожит меня куда больше, чем само ограбление.

Дюпен нахмурился.

– Крайне странный знак. Это, определенно, неспроста, но что же он означает? Могу я взглянуть на эту бутоньерку?

– Боюсь, она внушала мне такое отвращение, что я выкинул ее.

– Глупо, очень глупо. Эта улика могла привести нас к более серьезному преступлению, – со злостью сказал Дюпен.

Его лицо исказилось гневом, на мой взгляд, несоразмерным ситуации.

– Фиалки, – пробормотал он про себя перед тем, как опять посмотреть на меня. – Имеют ли фиалки какое-то особое значение для вас, о котором мне стоит знать?

– Возможно. После нападения я вспомнил происшествие из моего детства, настолько неприятное, что мне запрещали говорить о нем дома. С тех пор я успел забыть о нем – до сегодняшнего утра.

– Продолжайте.

По мере того, как я рассказывал о попытке похищения, предпринятой торговкой искусственными цветами, Дюпен хмурился все сильнее.

– Невероятно, – сухо сказал он, выслушав мою повесть до конца. – И удивительно, что вы не рассказали мне об ограблении сразу же.

– Это еще не все, – признался я, спеша высказать все сразу. – Когда я вернулся в гостиницу, меня ждали эти письма.

Я подал Дюпену меньшую стопку писем.

– Я прочел эти три. Кажется, они имеют отношение к тому, что вы мне только что сообщили.

Сдержанный гнев Дюпена сменился глубокой сосредоточенностью. Он развернул первое письмо и быстро его прочел.

– Тысяча семьсот восемьдесят четвертый год... Как интересно.

– Интересно? Я бы сказал, поразительно!

Дюпен наклонил голову.

– Сделано специально, чтобы так и казалось.

– Простите, Дюпен, но я не успеваю за вашей мыслью.

Он снисходительно отмахнулся, просматривая следующие два письма.

– А остальные? – спросил он, кивнув на другую стопку у меня в руках.

– Я просмотрел несколько – очень похожи на те, что нашлись в шкапулке. Не думаю, что хочу читать остальные.

Я положил вторую пачку на стол перед ним.

– Но вы должны.

Я замотал головой.

– Лучше вы прочтите их первый. Я в замешательстве от сегодняшних откровений и не смогу прийти к сколько-нибудь разумным выводам.

Дюпен согласно кивнул.

– Я полагаю, к этим письмам не прилагалось записки от миссис Аллан?

Я отрицательно качнул головой.

– В таком случае мы должны заключить, что и первую записку писала не она.

– Должны? Но она могла нанять кого-нибудь, чтобы он доставил мне эти письма.

– Зачем? Почему бы просто не отправить вам письма все сразу? Шкапулка красного дерева достаточно вместительна для этого.

– Она вполне может истерзать меня до смерти!

Дюпен опять нахмурился.

– Определенно, кто-то пытается заставить вас терзаться, но я полагаю, это не миссис Аллан. По вашему описанию маловероятно, чтобы у нее хватило стратегического мышления на такой сложный план. Раз миссис Аллан сохранила за собой все имущество вашего приемного отца, зачем ей брать на себя труд мучить вас письмами?

– Убедить меня, что во мне дурная кровь! И что поэтому она была права, убедив папу лишить меня наследства!

Дюпен откинулся в кресле и снова зажег сигару. По выражению лиц клерков, расположившихся вокруг нас, я понял, что последние слова прокричал.

– Кстати, можем ли мы с определенностью утверждать, что Элизабет и Генри Арнольды были вашими кровными бабушкой и дедушкой? – сказал он, выпустив клуб дыма.

Я почувствовал, как лицо мне заливает краска стыда.

– Вы знали об этой истории, – сказал он, не отрывая от меня взгляда, – но решили не открывать мне все факты. Интересно почему.

Я отвел взгляд и посмотрел в окно. Вечер уже угас, и улицу заливал яркий свет фонарей. Толпа также изменилась – теперь в ней преобладали более неприглядные типы. Свет как бы привел отдельные лица в фокус, хотя бы и только на мгновение, и в это мгновение я почувствовал, что постиг историю каждого, попавшего в этот ослепительный переливающийся блеск, что у меня появилась поразительная, как у Дюпена, способность узнавать самые глубокие человеческие тайны.

– По?

– Вы изучили эти письма. Вот вам легко ли было бы признать, что те, кто якобы написал их, были родителями вашей любимой матери?

Дюпен посмотрел на меня оценивающе.

– Вы правильно употребили здесь слово «якобы». Мы только начинаем наше расследование и не можем с уверенностью утверждать, что письма написаны Арнольдами. Но мы не продвинемся дальше, если будем обманывать друг друга. Мы должны быть правдивы друг с другом, иначе нет никаких резонов расследовать этот случай вдвоем. Вы забыли, мой друг, как хорошо я вас знаю.

Безусловно, он был прав, но я не смог заставить себя признать это вслух, и просто кивнул.

– Теперь мы можем согласиться относительно следующих фактов: Элизабет и Генри Арнольды существовали на самом деле и не являются плодом воображения некоего мистификатора, но, возможно, таковыми являются их письма. Они были вашими кровными бабушкой и дедушкой, и они дважды сочетались браком в тысяча семьсот восемьдесят четвертом году.

– Дважды?

– Да. Сначала они вместе сбежали семнадцатого апреля, а потом поженились в приходской церкви Святого Георгия на Ганновер-сквер. Я скопировал объявление из «Морнинг Пост» – их свадьба состоялась восемнадцатого мая тысяча семьсот восемьдесят четвертого года.

Я лишь взглянул на бумагу, так как не сомневался, что Дюпен скопировал объявление в точности.

– Но почему? – буркнул я.

– Вы упускаете очевидное, лежащее прямо у вас под носом. Элизабет Смит и Генри Арнольд сбежали в Гретна-Грин. Вышел скандал. Мистер Смит же был человеком с солидным доходом и высоким положением в обществе. Для его репутации оказалось бы менее болезненно, если бы сбежавшая пара после тайного бракосочетания обвенчалась в церкви. Тогда брак выглядел бы заключенным с его одобрения, и скандал бы угас. Конечно, это не помешало мистеру Смиту лишить дочь наследства.

Объяснение Дюпена звучало правдоподобно.

– И тогда моя бабушка, лишенная поддержки своего отца, начала ненадежную карьеру театральной актрисы, и такой же жизнью жила моя мать в Америке. Я дважды проклял невзгодами нужды, раз моей бабушке тоже было отказано в роскоши, которую я мог бы унаследовать.

Дюпен пожал плечами.

– Похоже, ваша бабушка предпочла деньгам любовь. Был ли это достойный или глупый выбор, пока не ясно, но вас мог бы утешить ее идеализм.

– Однако вы думаете, что мой дедушка не был столь же идеалистичен? – спросил я, как только эта мысль пришла мне в голову.

Дюпен опять пожал плечами.

– Определенно, его почерк не свидетельствует об идеализме, и в финансовом смысле он выгадал бы от этого брака много больше, чем она. Похоже, он думал, что отец Элизабет простит идеализм дочери и примет ее мужа в лоно семьи, несмотря на его низкое положение в обществе.

– Вы хотите сказать, что он ее дурачил?

– Дурачил? Нет. Но социальное положение Элизабет могло сделать ее более привлекательной в его глазах. Что не слишком отличается от надежд отца на то, что дочь найдет богатого банкира на двадцать лет старше себя достаточно привлекательным, чтобы выйти за него замуж. Но самое важное здесь, что Элизабет и Генри Арнольды на самом деле существовали. Написали ли они письма, хранящиеся у вас, и совершили ли преступления, описанные в них? Может быть.

– А может быть, и нет, – быстро добавил я. – В конце концов, они были актерами. Представим себе, что они вправду написали эти письма. Но их содержание может быть плодом чистой фантазии!

– Возможно, – признал Дюпен. – Мы должны установить истину. Также нам нужно найти того, кто посылает вам письма Элизабет и Генри Арнольдов, и выяснить, как они к нему попали.

Я понимал, что Дюпен старается помочь мне, но бесстрашие его слов огорчало. Прочность моей жизни в Филадельфии оказалась лишь смутным сном, и ничто в моем прошлом больше не было так определено, как я полагал раньше. Мои бабушка с дедом – обычные уголовники? Мне стало очень больно от этой мысли. Я вновь обратил внимание на улицу за окном и на залитые светом лица. Вид был фантастичен, однако казался истиннее самой реальности. Внезапно в окне появилось лицо хрупкого лохматого старика. Ему было, вероятно, лет семьдесят пять. Станным образом лицо его не выражало абсолютно ничего, но одновременно излучало независимость, злобу и силу.

– Это он!

Слова сорвались с языка прежде, чем я осознал их смысл. Старик застыл передо мной, его лицо было ярко освещено и заключено, точно портрет, в оконную раму. Выражение лица, потрепанное платье, шаткая походка – все было знакомо, но я не мог его вспомнить. И вот его уже нет! Я схватил шляпу и трость и выбежал из кафе на улицу.

Старика нигде не было видно, и на мгновение я впал в глубочайшее отчаяние. Потом я заметил тень, движущуюся нетвердыми шагами по узкому переулку, и, не задумываясь, последовал за ней. В переулке царил темнота, и я медленно двигался вперед, не желая привлечь к себе внимание. Легкий туман, стелившийся в воздухе, превратился в ровный, монотонный дождь. Бульжники мостовой скользили под ногами, воздух был напоен запахом гниющих растений. Переулок резко свернул и влился в более оживленную улицу. Я уже не понимал, где нахожусь, но твердо намеревался не терять из виду мою дичь и не заботился больше о том, понимает ли старик, что я преследую его. Мы подошли к театру, из которого валом валила восторженная публика, потом миновали таверну с толпой сомнительных типов у входа. Но старик словно существовал отдельно от тех и от других. Лабиринтом извилистых переулков мы добрались до трущоб, где жили лишь самые бедные. Старик снова ускорил шаг. В конце улицы я догнал его – и обнаружил, что нахожусь в конце Довер-стрит, а передо мной сияют фонари над входом в «Аристократическую гостиницу Брауна».

Я исполнился беспредельной ярости. Откуда он узнал, что в итоге я должен прийти сюда? Что за дьявольская шутка? Прежде чем старик успел возобновить свою бесконечную прогулку, я встал перед ним, преградив ему путь. Наконец-то мы оказались лицом к лицу!

– Кто вы такой, сэръ? – требовательно спросил я.

Старик задрожал, но не сказал ничего. Глаза его были закрыты, губы бормотали что-то непонятное.

– Отвечайте!

Я схватил его за лацканы засаленного пальто и встряхнул. Он почти ничего не весил и взлетел над землей, точно пушинка. Каблуки его звучно щелкнули по кирпичной стене. Я повторил вопрос, но старик просто обвис с закрытыми глазами, подрагивая, словно умирающая от голода птица.

– Отвечайте же!

Наконец он открыл глаза – бледно-голубые, подернутые белесой поволокой глаза стервятника. Старик взглянул на меня, а потом сквозь меня.

– Я никто, – сказал он голосом, слабым, как шуршание опавших листьев на ветру. – Совсем *никто*.

14 февраля 1789 г.

МОЕМУ ВАЛЕНТИНУ

Мое сердце тебе, и шкатулка с секретом, и

Острые сцены, прилежно воспетые.

Ночи занавес поднимается,

Сцена Лондона открывається,

Трепещут девицы, утратив покой,

Разбойник грозит Амура клинком.

Джермин-стрит, 22, Лондон

18 мая 1789 г.

Дорогой мой муж!

Кто бы мог подумать, что возвращение в Лондон после наших скитаний причинит мне столько огорчений? Как непохожа я в этом на леди Тизл²²! Конечно, бристольские гастроли для нас очень важны, но поймите: ни одной жене на свете не доставит радости провести пятую годовщину венчания порознь с мужем! Одиночество и безделье были столь невыносимы, что я приняла ваш вызов и продолжаю нашу личную «Школу злословия» – и весьма успешно! Лишенная возможности нынче же вечером нашептывать все восхитительные подробности вам на ушко, берусь за перо.

Вскоре весь Лондон всколыхнет весть о любопытнейшем происшествии на Лестер-стрит. Главную роль исполнила миссис Сара Годфри – возможно, вы помните ее как завязную театралку, хотя ее понимание Искусства весьма и весьма ограничено. Эта эсеница (воздержусь от слова «леди») во всеуслышание отпускала необдуманные замечания о вашей интерпретации роли сэра Бенджамина Бэкбайта²³ три дня назад. Ее же собственное представление прошло следующим образом.

²² Персонаж пьесы Р.Б. Шеридана «Школа злословия», бедная провинциалка, оказавшаяся в высшем свете Лондона благодаря удачному браку.

²³ Персонаж пьесы Р.Б. Шеридана «Школа злословия», джентльмен болезненно тщеславный и нетерпимый к чужим достоинствам. Согласно сюжету считается великим поэтом и умницей, хотя не опубликовал ни одного произведения, так как, по его словам, «печататься пошло».

Миссис Годффри шла в одиночестве по Бонд-стрит, дерзновенно нарядившись в шелковое платье цвета индиго – подол в белую полоску, лиф в кружевах, так и пенящихся вокруг декольте. Столь помпезный наряд и напыщенный вид привлекли внимание юного пройдохи, болтавшегося без дела неподалеку. Стоило ей подойти поближе, как он распознал ее истинную сущность и решил преподать сей самопровозглашенной законодательнице моды урок этикета. С этим намерением он последовал за миссис Годффри по Бонд-стрит, затем через Лестер-сквер на Пикадилли. То был молодой человек среднего роста и приятной наружности, одетый в черное, с роскошной шляпой-треуголкой на голове. Он то шел позади миссис Годффри, то обгонял ее, то шагал рядом. Она же делала вид, будто не замечает его, но, судя по улыбке, была явно польщена вниманием юноши.

Наконец миссис Годффри достигла места, куда направлялась, и это повергло ее преследователя в восторг. То была мастерская обойщика! Это вполне объясняло происхождение ее туалета: сия достойная дама нарядилась предметом мебелировки! Да, ткань ее юбок совершенно не подходила для модного платья, зато прекрасно выглядела бы на причудливой оттоманке или вычурном кресле.

Тут миссис Годффри удостоила своего кавалера полупоклона.

– Благодарю вас, сэръ, – жеманно протянула она, ожидая, что юный джентльмен откроет перед ней дверь мастерской.

Этот плут так и сделал, не упустив возможности склониться в глубоком поклоне и объявить:

– Мадам, я в жизни не встречал дивана прекраснее, чем вы!

Не понимая, как расценить этот комплимент, наша героиня поспешила в мастерскую. Но дело на этом не закончилось. Негодяй дождался, когда она покинет обитель тканей, и тенью проследовал за ней на Шарлотт-стрит. Миссис Годффри же явно чувствовала его присутствие и время от времени тревожно озиралась, но шла молча.

Прежде чем она успела скрыться в своей резиденции, негодяй напал.

– Хоп!

Лезвие сверкнуло в воздухе – и кричаще-яркая шелковая обивка растаяла, точно масло под нагретым ножом.

– Вот тебе!

Лезвие сверкнуло вновь и вонзилось в пухлую диванную подушку – то есть прямо в верхнюю часть бедра. Ни один предмет мебелировки еще не визжал столь пронзительно! Наш бедный маленький диванчик кувыркнулся наземь, высоко задрав ножки и выставив на всеобщее обозрение несвежее исподнее. Когда же миссис Годффри пришла в чувство, чудовищный молодой человек уже растворился во тьме.

На сем кончается и мое повествование. Увы, читать пьесу – совсем не то, что видеть ее на сцене. И когда вы, мой милый, снова будете рядом, обещаю прекрасное исполнение на бис.

Жду весточки от вас как можно скорее,

Элизабет.

Королевский театр, Бристоль

21 мая 1789 г.

Милая моя!

Наконец-то закончили репетицию. Пальцы мои стерты до кости, ведь каждую песню пришлось играть по многу раз: эта глупая девица никак не может уместить слов в своей голове, невзирая на пустоту последней. Если бы только вы были на ее месте – насколько мы оба были бы счастливее! Но, хоть я и безмерно соскучился по вам с Элизой, работа есть работа. Хоть роли мне на сей раз и не досталось, неплохое жалованье позволяет с этим примириться.

Но ваше письмо!.. Едва распечатав, я перечел его трижды, не в силах оторваться – в такое веселье повергло меня ваше представление. Как восхитительно вы ответили на мой вызов! Я в красках представил себе всю сцену с чванливой миссис Годфри, принимающей супостата за воздыхателя, и не смог не рассмеяться. Еще веселее было читать в «Уорлд» жалобу миссис Годфри в мировой суд Боу-стрит. По словам пострадавшей, негодяй, подошедший к ней возле мастерской обойщика, сделал ей «весьма непристойное предложение», чем «жестоко оскорбил» ее. Вы себе и представить не можете, как я смеялся, вспомнив ваше письмо. «Мадам, я в жизни не встречал дивана прекраснее, чем вы», – весьма необычный комплимент! Вряд ли его можно считать оскорбительным или непристойным, но необходимо представить себе, как это должно было быть сыграно. Наш дьяволоподобный злодей наверняка прошептал эту фразу с необычайным вождением. С нетерпением жду исполнения на бис, чтобы услышать от вас сию «непристойность» и увидеть своими глазами миссис Годфри, кувыркнувшуюся наземь ногами вверх, точно маленький пухлый диван.

Если не стряется ничего непредвиденного, я буду дома завтра вечером и непременно привезу обратно ваше письмо, чтобы вы прочли его для нас обоих на сон грядущий.

С любовью и восхищением,

Ваш муж.

Лондон, 3 июля 1840 г., пятница

Я был не в настроении беседовать после своей выходки в кофейне, а Дюпен не настаивал. Мы уговорились встретиться на следующий день в фойе в одиннадцать часов и прогуляться. У Дюпена, по-видимому, был некий план, в который он решил не посвящать меня загодя. Казалось, сон избегал меня многие часы, ум одолевали видения и ужасные предчувствия, но проснулся я только в девять, когда принесли завтрак, – изнурительные недели в море взяли свою дань.

Почти в назначенный час я спустился в фойе. Там не было никого, кроме портье за стойкой.

– Для меня есть что-нибудь?

Слова эти я произнес полупшепотом – при мысли о том, что, быть может, сейчас появится новая порция скандальных писем, меня охватил ужас.

– Сожалею, сэр. Сегодня ничего.

– Это пугает вас или заставляет вздохнуть с облегчением?

Я повернулся и увидел, как с листком бумаги в руке из тени появился Дюпен. Как же я не заметил его всего несколько мгновений назад?

– Дюпен, извините и доброе утро, – сказал я, намереваясь спрятать свою неловкость. – Это маршрут нашей прогулки?

Дюпен смотрел, не мигая, словно магнетизер, безмолвно требуя ответа на свой вопрос, прежде чем ответить на мой.

– Должен признаться, да – я чувствую немалое облегчение. Мне нужно еще как следует уложить в голове содержание писем, доставленных вчера.

– Тех, что вы прочли... А нам нужно обсудить еще и другие. Что же до письма от мистера Диккенса, которое вы с таким нетерпением ожидаете, он напишет вам завтра или, самое позднее, в воскресенье утром.

Я не стал ставить его заявление под сомнение, отчасти потому, что успел привыкнуть к подобным вещам в Париже, но в основном – потому что надеялся, что он, как всегда, прав.

Дюпен сложил бумагу и спрятал ее в карман, потом извлек пенковую трубку.

– Идемте? Погода, кажется, подходящая.

– Конечно, – я кивнул на его карман. – Какой у нас маршрут?

Дюпен нахмурился.

– Это не маршрут, а, скорее, путеводитель. Часто бывает полезно посмотреть на что-нибудь при свете дня, а потом еще раз ночью. Или наоборот, – загадочно прибавил он.

Дюпен распахнул дверь и жестом пригласил меня выйти первым.

Выходя, я ощутил нарастающее раздражение. Я хотел сохранить в тайне мои надежды встретиться с Чарльзом Диккенсом, но Дюпен со своей обычной проницательностью разгадал это и выставил напоказ, а свои собственные соображения насчет нашей экскурсии держал в секрете. Усугубляя обстоятельства, он достал из кармана зеленые очки и надел их.

– Солнечный свет слишком раздражает глаза, – сказал он несколько лицемерно.

В Париже он носил зеленые очки на улице, но надевал их также и в помещениях, допрашивая подозреваемых. Зеленое стекло не позволяло догадаться, куда же он смотрит на самом деле, и это приводило их в замешательство.

Мы молча шли по Довер-стрит к цели, которую Дюпен еще не назвал, за нами плыли струйки табачного дыма. Моя враждебность мало-помалу улетучилась под действием хорошей погоды. По сравнению с Филадельфией для июля температура была умеренная.

– Вист. Очень поучительная игра, – внезапно сказал Дюпен.

– Да?

В юности я много играл в вист и обычно проигрывал. Везение в картах оказалось весьма переменчивым и чаще всего менялось не в мою пользу.

– Подумайте, насколько человек аналитического ума превосходит в игре того, кто только соблюдает правила. Аналитик накапливает массу наблюдений и умозаключений о своем противнике, изучая выражение лица. Он наблюдает, как меняется выражение лица в ходе игры, будь это уверенность, удивление, триумф или разочарование. Он может распознать блеф по жесту, каким была сброшена карта. Сыграв дважды, аналитический ум может играть дальше, будто другие игроки сидят с открытыми картами.

Мы достигли Пикадилли, повернули на запад и вошли в Грин-парк.

– Но помните, – продолжал он, – аналитик всегда хитер, но простой хитрый человек довольно часто не способен к анализу.

Дюпен повернулся ко мне, ожидая согласия. Свет отражался от зеленых очков.

– Совершенно верно, – пробормотал я, хотя был озадачен.

– Очень хорошо.

Он опять погрузился в молчание. Идя по парку, Дюпен решал некую неведомую мне загадку, я же развлекался, разглядывая гуляющую публику. Мое внимание привлекли три хорошеньких молодых леди, судя по их униформе, няни. Они оживленно беседовали, катя перед собой по большой коляске. Вокруг них носились кругами трое малышей, поглощенных какой-то загадочной детской игрой.

– Нет ли у вас еще каких-нибудь воспоминаний о торговке искусственными цветами или мыслей о том, почему кто-то хотел напомнить вам о той попытке похищения?

Вопрос Дюпена удивил меня, на что он, очевидно, и рассчитывал. Не менее удивительным оказалось его решение свернуть влево и пойти по газону к стене ограды. Я поспешил за ним, огорченный тем, что потерял из виду резвящихся детей. Потом мне пришло в голову, что я тоже был невинным играющим ребенком, совершенно не подозревающим, что за ним следят – точнее, его выслеживают...

– Я больше ничего не вспомнил о продавщице цветов и не могу ответить на ваш вопрос, но, по правде говоря, отчетливо чувствую, что с тех самых пор, как получил это нежеланное наследство, рядом со мной незримо присутствует нечто...

Дюпен кивнул.

– Враг наблюдал за вами некоторое время и довольно много знает о вас. Он послал вам в Филадельфию семь писем в шкатулке красного дерева, и еще четырнадцать прислал в гостиницу, где вы остановились в Лондоне. Теперь нам нужно понять, чего он от вас хочет.

В этот момент мы подошли к воротам. Дюпен вышел из парка, и я последовал за ним.

– Дюпен, наше путешествие уже началось?

– Да, сэр.

– Не просветите ли вы меня, какова его цель?

– Мы исследуем все направления, включая вашу теорию о том, что письма фальшивые.

– Но как? – спросил я.

– Согласны ли вы, что мы оба знаем Лондон гораздо хуже, чем наши родные города?

– Да, конечно.

– А с тем, что в письмах упоминаются определенные места, которые могут существовать, а могут и не существовать? – продолжал Дюпен.

Я сразу же понял его мысль.

– И если они существуют, то могут оказаться неподходящими для описанных в письмах событий?

Дюпен слегка улыбнулся.

– Верно. – Он остановился и посмотрел вокруг. – Сент-Джеймс-плейс.

Это была тихая элегантная улица, застроенная внушительными домами. Дюпен погрузился в молчание, как бы впитывая здешнюю атмосферу. По опыту наших парижских экскурсий я знал, что лучше не отвлекать его от такого сосредоточенного созерцания. Он справился со своими записями, и мы пошли сперва немного на север по Сент-Джеймс-стрит, перешли Джермин-стрит и пошли по Бери-стрит. Дюпен остановился, и я увидел номер дома. Двадцать семь – тот самый, что и в письмах из шкатулки! Я был так потрясен содержанием писем, что обращал мало внимания на адреса в них, но Дюпен не упустил ничего. Стоя перед домом, некогда приютившим под своим кровом Арнольдов, он, похоже, изучал каждый кирпич этого внушительного, высокого здания. Я осматривал окно за окном, почти ожидая услышать стук в стекло или увидеть смотрящее на меня призрачное лицо.

– Как вы думаете, на каком этаже они жили? – спросил я.

Дюпен не удостоил меня ответом. Вместо этого он резко повернулся на каблуках и отправился обратно в сторону Джермин-стрит. Ароматный дым его пенковой трубки стелился за ним, словно шлейф. Пока мы шли мимо лавок с дорогой одеждой и по задворкам «Фортнума и Мэйсона», я представлял себе Элизабет и Генри Арнольдов, проходящих мимо этих же заведений.

Следующей нашей целью – номер девяносто три по Джермин-стрит – оказалась многолюдная сырная лавка.

– Прочтя остальные письма, вы увидите, что Арнольды жили также на Джермин-стрит, девяносто три и Джермин-стрит, двадцать два. Я полагаю, что в том и другом случае они занимали квартиру на верхнем этаже.

С этими словами Дюпен последовал дальше по Джермин-стрит, предоставив мне поспешать за ним. Я начал уже глубоко сожалеть, что отдал письма Дюпену, не прочтя их внимательно сам. Теперь он знал о моих бабушке с дедом больше, чем я сам – он знал секреты, в которые я посвятил его по собственной воле. Мы задержались у номера двадцать два по Джермин-стрит – внушительного белого здания, где помещалась торговля тканями, над которой было еще четыре этажа – каждый с двойными окнами, становящимися все меньше и меньше от этажа к этажу. У меня не было сомнений, что Элизабет и Генри Арнольды жили какое-то время на верхнем этаже с неказистым видом наружу.

Пока Дюпен вел меня через Хеймаркет и по Ковентри-стрит, я пытался в точности вспомнить прочитанное, но без особого успеха. Мы проследовали по Лестер-сквер мимо величественной конной статуи Георга I и свернули на Лестер-стрит, застроенную одноэтажными лавками. Здесь Дюпен вновь остановился и принялся молча изучать окрестности.

– Это место нападения? – спросил я.

Дюпен едва кивнул, не отвлекаясь от раздумий. Чтобы прогнать досаду, я какое-то время смотрел на двух юных акробатов, которые расхаживали на руках и, ассистируя друг другу, крутили сальто. Скорее всего, эти оборванные дети никогда не видели, как выглядит школа изнутри, но выучились зарабатывать себе ужин с помощью уличных трюков. Дюпен не обратил внимания на их ужимки, и мы пошли в сторону Чаринг-Кросс, двигаясь на север гораздо медленнее прежнего.

Когда мы снова остановились, он достал часы, проверил время и спрятал их обратно в жилетный карман.

– Могу я спросить, что вы пытаетесь измерить?

– Расстояние, которое леди может пройти вечером одна, – загадочно ответил он.

Дюпен повернулся ко мне. Стекла его зеленых очков зловеще блеснули.

– Мы еще не обсудили то, что случилось прошлым вечером, – добавил он.

– Не обсудили, – признал я, от всей души желая вовсе не возвращаться к этой теме.

– Но мы должны сделать это. Зачем вы погнались за тем стариком? Вы встречали его раньше? Или вы выпили перед нашей встречей в кофейне?

Я почувствовал необходимость решительного отпора, но понимал, сколь странно выглядели со стороны мои вчерашние действия.

– Я был совершенно трезв. Старик напомнил мне кого-то, вот и все, что я могу сказать.

– Кого-то, на кого вы злы? Может быть, вашего деда?

– Я никогда не видел своего деда, – возразил я, чувствуя, что Дюпен изучает меня из-за зеленых стекол, ожидая продолжения. – Он не поехал в Америку с бабушкой. Если он еще жив, возможно, он все еще в Лондоне.

Дюпен быстро обдумал это.

– Из объявления о побеге мы знаем, что сейчас ему должно быть семьдесят девять. Тот бродяга, которого вы преследовали, выглядит примерно на эти годы, но двигался он гораздо быстрее, чем возможно в столь почтенном возрасте.

– Верно.

Внезапно Дюпен отвернулся от меня и без единого слова пошел по Чаринг-Кросс-роуд. Когда она перешла в Тоттенхэм-Корт-роуд, уличное движение стало значительно оживленнее, а мостовая – гораздо грязнее, но это не нарушило задумчивости Дюпена. Он повернул налево на Перси-стрит, потом направо на Шарлот-стрит. Он замедлял шаг, пока не оказался возле узкого здания. Здесь он опять достал из кармана часы, проверил время, и – в который уж раз – принялся тщательно набивать трубку и изучать здание. В конце концов он обратился ко мне:

– Очень хорошо. Не вернуться ли нам в гостиницу выпить кофе?

На самом деле это не был вопрос. Разочарованный и не на шутку обиженный, я невольно кивнул. Мы развернулись и направились обратно к «Аристократической гостинице Брауна».

* * *

Горничная оставила поднос с кофе на восьмиугольном мраморном столике и поспешила выйти из номера. Вид Дюпена явно пугал ее, как это часто бывало с противоположным полом. Он разлил кофе, потом снял зеленые очки, дающие ему возможность незаметно изучать оппонента. Я удивился своим мыслям. Оппонента? На самом деле я имел в виду компаньона! Пока я пил кофе, Дюпен аккуратно развернул лист бумаги и прижал его к столешнице четырьмя маленькими пресс-папье. Это была карта Лондона, тщательно вычерченная его умелой рукой.

– Вот здесь гостиница, – Дюпен указал на маленький квадратик, заштрихованный черным, располагавшийся на Довер-стрит. – А вот три места, где Арнольды жили в Лондоне, – он показал на маленькие черные квадратики на Бери-стрит, двадцать семь, Джермин-стрит, двадцать два и Джермин-стрит, девяносто три. – А эти буквы означают места, где были совершены нападения, описанные Элизабет и Генри Арнольдами, – указал он на крохотные синие «Э.» и «Г.» на Кэннон-стрит, Боу-лейн, Джонсон-корт, Сент-Джеймс-плейс и Джермин-стрит.

– Нападения, описанные в письмах из шкатулки?

– Да. А зелеными буквами отмечены нападения, описанные в письмах, присланных вам в гостиницу, некоторые из которых вам еще предстоит прочесть.

Он показал на Шарлот-стрит, Беннет-стрит, Нью-Босуэлл-корт и Сент-Джеймс-стрит. Маленький черный квадратик был помечен как театр «Ковент-Гарден». Я провел пальцем по маршруту нашей недавней прогулки.

– И сегодня мы посетили места пяти нападений.

– Да. Все они совсем недалеко от тех мест, где жили ваши бабушка с дедом, так что они вполне могли совершить их.

Теперь я понял, зачем Дюпен смотрел на часы и так тщательно осматривал места, которые мы посетили.

– Что интересно, они также достаточно близко от «Аристократической гостиницы Брауна», – добавил он.

– Просто совпадение?

Дюпен слегка поднял брови, но проигнорировал мое замечание.

– Также я отметил на карте место, где вы жили в детстве, место попытки похищения и место вчерашнего нападения. Думаю, это имеет значение, учитывая места нападений, таинственную бутоньерку и недавно полученные письма.

Он указал на красные «Р.» на Саутгемптон-роу и Рассел-сквер, потом уселся в кресло, набил трубку и раскурил ее.

– Теперь давайте проанализируем ситуацию, начиная с первых двух писем. Мы знаем, что Арнольды были актерами, игравшими в театре «Роялти», как сказано в письме от пятого марта тысяча семьсот восемьдесят восьмого года. Генри Арнольд частенько изволил не являться домой по вечерам, что не радовало Элизабет Арнольд. Как мы заключили по ее почерку, она была женщиной страстной – властной, но женственной, одухотворенной и решительной. Она решила отомстить любовнице мужа, но довольно странным образом. Миссис Арнольд позаимствовала в театре костюм, переделалась мужчиной и раскромсала платье и ягоды своей соперницы. Действительно, весьма наглядный урок. Потом она известила о своем преступлении мужа, хоть и иносказательно. То же самое она повторила двадцатого марта того же года, разрезав платье и зад миссис Райт.

– Или некий мистификатор хочет, чтобы мы поверили, что все это сделала Элизабет Арнольд, – вставил я.

– Согласен. Возможность мистификации с целью оклеветать Элизабет и Генри Арнольдов мы также должны рассмотреть.

– Возможно, у них были враги?

Дюпен нетерпеливо фыркнул, и дым за клубился вокруг него, как если бы он был сам дьявол.

– Возможно. В любом случае, вполне очевидно, что у вас они есть.

Его слова выбили меня из колеи, мне не хотелось им верить, несмотря на неотразимые доказательства.

– Мы все наживаем врагов, когда наши амбиции сталкиваются с чужими, но я не в силах вообразить, как мои враги могут быть связаны с этими письмами.

– Выяснить это и есть наша главная задача, и это будет не очень просто, – задумчиво проговорил Дюпен, попыхивая трубкой. – Мы согласились отвергнуть идею, что письма отправила вам жена вашего приемного отца – записка от нее была лишь уловкой, чтобы заставить вас серьезно заинтересоваться содержимым шкатулки красного дерева. И хотя записка, якобы от миссис Аллан, фальшивая, само сообщение содержит правдивую информацию и, следовательно, является важной уликой.

Он извлек из ларца записку и прочел ее вслух.

– «Дорогой мистер По, посылаю вам некоторые вещи, ваши по праву рождения. Искренне ваша, миссис Джон Аллан»... Письма и шкатулка ваши, поскольку вы внук Элизабет и Генри Арнольдов. Я думаю, мы можем предположить, что это та самая шкатулка, упоминающаяся в валентинке с довольно скверным акростихом, которая написана рукой вашей бабушки и получена нами с последней порцией писем.

Приговор стиху, хотя он и вправду был скверен, раздосадовал меня, но я пожал плечами, признавая вероятность, что Дюпен прав, и кивнул, ожидая продолжения.

– Я бы предположил, что, используя слова «по праву рождения», фальсификатор намекает об унаследовании вами ответственности за действия ваших предков.

– Как? Конечно же, нет. В этом нет никакой логики.

– Нам нет нужды считать что-то логичным, чтобы обнаружить, что это правда, особенно в случаях нарушения закона или правил чести.

Мне вновь пришлось признать его правоту.

– Вернемся к нашим письмам и описанным в них отношениям между вашими бабушкой и дедом. Письма прибыли в «Аристократическую гостиницу Брауна» анонимно, и три из них, датированные апрелем тысяча семьсот восемьдесят четвертого года, относятся к побегу Элизабет Смит и Генри Арнольда. Ясно, что великолепный мистер Генри Арнольд вскружил голову впечатлительной шестнадцатилетней мисс Элизабет Смит и соблазнил ее. Убегая с ним, она рисковала наследством.

– Возможно, стиль его излишне вычурен, но мне кажется, что он действительно вручил свое сердце Элизабет.

– Как вам больше нравится, – сказал Дюпен, снова прервавшись, чтобы раскурить трубку и порыться в стопке писем. – Но из писем, присланных вам в шкатулке красного дерева, мы знаем, что его верность была недолгой, или, по крайней мере, так полагала его жена, причем ревность довела ее до крайних мер. Потом переписка прекращается вовсе, вплоть до появления этого неуклюжего акростиха на Валентинов день, датированного четырнадцатым февраля тысяча семьсот восемьдесят девятого года, и еще десяти писем с мая по сентябрь того же года. Из этих писем мы можем видеть, что сложные отношения Элизабет и Генри Арнольды сильно улучшились весной тысяча семьсот восемьдесят девятого года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.